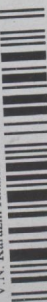

K-789 g.c.

466325

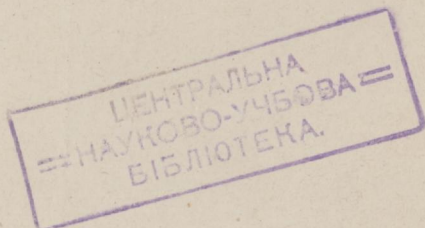
~~441.792~~

V.N. Karazin Kharkiv National University

00620387

6

ДРЕВНЕЕ СКАЗАНИЕ.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ

Позволено цензурой 1899 г. 10-го февраля 1899 г. 10-го февраля 1899 г.

ЮСИФА КРАШЕВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Н. О. Мертца.

1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12-го Февраля 1899 г.

Типо-Литографія Спб. Тов. Печ. Изд. дѣла „Трудъ“, Фонтанка, 86.

XIX.

На слѣдующій день въ хижинѣ Пяста жизнь потекла прежнимъ порядкомъ. Наступилъ тихій вечеръ, солнце золотило верхушки деревьевъ. На сараѣ, въ своемъ гнѣздѣ, копошился неутомимый аистъ, съ дуга доносилось лошадиное ржаніе, овцы вернулись съ пастбища и нетерпѣливо ждали, пока ихъ пропустятъ въ ворота. Воробьи бойко чирикали, ласточки высоко кружились въ воздухѣ, предсказывая на завтра ведро. Со стороны озера, куда-то на западъ, пролетали цѣлыя стаи гусей и утокъ.

Пясть сидѣлъ у стола, о чемъ-то задумавшись, здѣсь; въ его уголѣ, жилось такъ спокойно и мирно, а тамъ, въ окрестности, все приходило въ движеніе. Вооружились рѣшительно всѣ. Мышки объявляли по селамъ тревожную вѣсть: еще въ эту ночь должны зажечься костры на горахъ. Посланные скакали отъ одного кмета къ другому. У княжескаго столба жизнь такъ и кипѣла. Княжескія стада сгоняли съ полей, чтобъ спасти ихъ отъ непріятеля, который толпами все чаще сталъ появляться у самой опушки лѣса. Изъ пястовой хижины, гдѣ жили старикъ-отецъ съ сыномъ-малюткой—некого было послать въ дружину: одни только слуги вооружались, чтобы съ другими отправиться вмѣстѣ.

Какіе-то дикіе возгласы раздавались вдаль. Трудно было понять—ликують-ли кметы, или кричить княжеская дворня.

Пясть вышелъ на дворъ, оглядываясь по сторонамъ, и не могъ оторвать глазъ отъ темнаго замка, у котораго съ минуты на минуту долженъ былъ загорѣться кровавый бой. Лично для Пяста—война являлась совсѣмъ нехстати. Сынъ его достигалъ семилѣтняго возраста, а, по обычаю, семилѣтнему мальчику надлежало дать имя, благословить его; между тѣмъ, кто-же въ такое

безпокойное время согласился-бы въ гости прїѣхать, раздѣлить отцовскую радость? Напрасно было и приглашать даже самыхъ близкихъ сосѣдей. Время слишкомъ тревожное.

Онъ стоялъ еще на дворѣ, когда къ воротамъ подъѣхало двое всадниковъ. Оба были въ чужестранныхъ одеждахъ; по выраженію лицъ ихъ, легко было заключить, что это мирные люди, не причастные воинственному движенію, среди котораго случайно кинула ихъ судьба. Внимательно посмотрѣвъ на кмета, они совѣтовались между собою; видно, не знали, что предпринять.

Начинало смеркаться. Прїѣзжіе, должно быть, издалека явились сюда, быть можетъ изъ лянскихъ или полянскихъ земель, а можетъ и изъ земель, лежащихъ по ту сторону Лабы: въ одеждѣ ихъ было что-то нѣмецкое. Оба, еще достаточно молодые, закутаны были въ длинные, темнаго цвѣта плащи, изъ-подъ которыхъ по временамъ видѣлась яркая, плотно обхватывавшая тѣло ткань. Оружія у прїѣзжихъ не замѣчалось. Къ сѣдламъ были привязаны небольшіе узелки. Утомленные лошади вытягивали шею, стараясь щипнуть травы, бывшей у нихъ подъ ногами. Тотъ, что впереди, казался красивымъ нѣсколько моложе своего товарища—мужиною. Лицо его, несмотря на усталость, дышало спокойствіемъ; на губахъ блуждала улыбка. Старшій глядѣлъ суровѣе; видно, жизнь его закалила, но и въ его чертахъ безпокойства не замѣчалось; словно оба были увѣрены, что ничего дурного съ ними случиться не можетъ.

Это казалось тѣмъ болѣе удивительнымъ, что на пути сюда они, вѣроятно, встрѣчались съ раздраженными кметами и княжескою дворнею, которая тоже недолго любила чужихъ. Между тѣмъ, воинственное движеніе, повидимому, не производило особенно сильнаго впечатлѣнія на путешественниковъ.

Покончивъ свое совѣщаніе, одинъ изъ нихъ соскочилъ съ лошади, съ веселымъ лицомъ подошелъ къ Пясту и поздоровался съ нимъ на языкѣ, который хотя и не былъ языкомъ ляховъ, однако старику показался къ нему чрезвычайно близкимъ. Пястъ въ ранніе годы жизни своей много путешествовалъ по бѣлу свѣту и выучился говорить на языкѣ сербовъ, моравовъ и чеховъ.

— Мы изъ далекихъ странъ,—проговорилъ вновь прибывшій.— надѣемся, что ты, добрый хозяинъ, не откажешь намъ въ ночлегѣ.

Тамъ,—прибавилъ онъ, указывая рукою на княжескій замокъ,—мы напрасно стучались съ подобной-же просьбою, велѣли намъ прочь уходить... Мы попали въ волнующуюся страну, хижины опустѣли... Ты, вѣрно, насъ приютишь... Намъ ничего, кромѣ крова, не надо...

Старикъ поспѣшно растворилъ настежь ворота.

— Прощу васъ покорно, милостивые гости,—отвѣтилъ Пясть.— войдите и отдохните. У насъ никто не отказываетъ гостю... Это вѣдь отцовскій обычай, который никогда не переведется, покуда мы живы...

При этихъ словахъ Пясть жестомъ руки пригласилъ ихъ зайти въ хижину.

Старшій соскочилъ съ лошади, и оба вошли въ хижину. Молодой прислужникъ поспѣшилъ взять лошадей. Пясть повелъ гостей на крыльцо, оттуда въ свѣтлицу, чтобы здѣсь, по дѣдовскому обычаю, преломить хлѣбъ съ гостями. Усадивъ ихъ къ столу, старикъ приказалъ женѣ подать кушанье и напитки.

— Подъ кровомъ моимъ привѣтствую васъ,—сказалъ Пясть:— вы какъ-разъ пожаловали въ такое время, когда я самъ сердечно желалъ видѣть кого-либо изъ гостей, но, въ наше тревожное время, надѣяться на это не смѣлъ...

Пріѣзжіе съ большимъ любопытствомъ стали приглядываться къ убогой обстановкѣ свѣтлицы, въ которой все, до мельчайшихъ подробностей, напоминало обычаи и привычки предковъ. Матеріаломъ для мебели и домашней утвари, какъ видно, служили исключительно дерево и глина; кромѣ того, здѣсь ничего нельзя было встрѣтить такого, что уже и въ тогдашнее время привозили купцы съ далекаго запада; ни рѣдкостныхъ бездѣлушекъ, ни нѣмецкихъ издѣлій, ни римскихъ и этрусскихъ истукановъ... Произведенія полянскихъ бондарей виднѣлись на полкахъ. Одежда представляла собою смѣсь полотна, кожи и мѣха.

Пріѣзжіе, по всей вѣроятности, рѣньше слышали о Пястѣ, такъ-какъ они выразили удивленіе по поводу его бѣдности и обратились къ нему съ вопросомъ: дѣйствительно-ли онъ сынъ Кошечка.

— Мы много слышали о тебѣ,—сказалъ одинъ изъ нихъ:— да не отъ одного человека—отъ нѣсколькихъ; они-то и убѣждали

васъ не ходить къ вашему князю... Оказывается, вѣдѣ правду такъ: князь велѣлъ намъ убраться, — ты же встрѣтилъ гостепріимно...

— Да, я сынъ Кошмыча, — отвѣтилъ Пясть, — живу я по старымъ обычаямъ: дверь моей хижины всегда для всѣхъ открыта, но роскоши, къ которой вы, быть можетъ, привыкли, не встрѣтите у меня... Я кметъ, занятіе мое — пчеловодство, и живу — какъ жили мои отцы... Для меня обычай — святое дѣло... Недаромъ такихъ какъ я и подобныхъ мнѣ называютъ дикими, мы же считаемъ дикими тѣхъ, что носятъ одежду дороже и красивѣе нашей, а сердца у нихъ кровожадные, хищныя... Тому, что васъ не пустили въ замокъ, вы не должны удивляться, — тамъ теперь всего опасаются.

— Что же это у васъ происходитъ? — спросилъ гость.

— Кметы съ княземъ не ладятъ, — отвѣтилъ Пясть. — Князь женился на нѣмкѣ и сталъ вводить нѣмецкій законъ, а мы привыкли къ свободѣ: ни чужихъ правъ, ни законовъ знать не хотимъ!

Гость улыбнулся.

— Можетъ быть, князь задумалъ вводить здѣсь и новую вѣру? — спросилъ онъ.

— Отъ него мы объ этомъ ничего не слыхали... Хотя объ новой-то вѣрѣ иные и много толкуютъ... Чужое намъ не подходить...

— Ты, можетъ быть, правъ, — продолжалъ гость: — ю не все-же чужое такъ-таки непременно никуда не годится! Судя по говору нашему, ты, конечно, замѣтилъ, что мы не изъ нѣмцевъ, ни я, ни товарищ мой; однако должно сознаться: есть и у нихъ хорошее, и то перенять — недурно.

— А что-жъ есть у нѣмцевъ хорошаго? — раздраженнымъ тономъ воскликнулъ Пясть. — Я, по крайности, ничего не знаю! Если оружіе, придуманное для отнятія жизни людской, то — разбойничье это добро; если бездѣлки, которыми портятъ жизнь нашихъ, такъ это отравы, ядъ, ничего больше! У насъ есть земля, — она насъ кормитъ; у насъ есть пѣсни, сказанія, боги... Вѣтъ! Ничего намъ чужого не надо.

Гости невольно вздохнули

— Многое, что слыветъ идущимъ отъ нѣмцевъ, — сказалъ одинъ

изъ нихъ,—въ сущности только проходить черезъ нѣмецину, и совсѣмъ не нѣмецкое. А если, съ помощью ихъ, можно-бы получить миръ и благословеніе?

— Благословеніе? Миръ?—удивился Пясть.—Все это слишкомъ свято, чтобы зависѣть отъ тѣхъ, руки которыхъ замараны грабежомъ и убійствами!..

Восклищаніе это не вызвало возраженія.

Между тѣмъ, въ свѣтлицу вошла жена Пяста, Ржепица, согласно со старинной модою, вся въ бѣломъ, со лбомъ, обвязаннымъ бѣлымъ платкомъ. Она сама несла кушанье; за нею служанки несли хлѣбъ, калачи, медъ и чарки.

Хозяйка, разставивъ все на столѣ, поклонилась гостямъ и отошла въ сторону. У Пяста, какъ и повсюду въ тѣ времена, женщины не могли садиться вмѣстѣ съ мужчинами.

Пясть пригласилъ гостей отвѣдать хлѣба-соли. Тѣ поднялись со своихъ мѣстъ, подошли къ столу и, повернувшись лицомъ къ востоку, наклонили головы и начали что-то шептать въ-полголоса. Потомъ одинъ изъ нихъ надъ столомъ продѣлалъ какіе-то таинственные знаки. Это испугало хозяина; ему показалось, что прилецы—колдуны.

— Вы развѣ колдуете?—обратился онъ къ нимъ.—Для чего дѣлаете въ воздухѣ эти знаки?

— Колдовства вамъ бояться нечего,—отвѣчалъ одинъ изъ гостей.—Мы колдовать не умѣемъ, напротивъ, мы отгоняемъ нечистую силу. У насъ есть обычай, предъ всякимъ дѣломъ, взывать къ Божьей помощи, къ святому Его благословенію.

— Какого Бога?—нахмурился Пясть.—Слыхали мы, правда, что чехи и моравы начали теперь поклоняться новому Богу, Котораго взяли у нѣмцевъ...

— Иного Бога, кромѣ единого на весь міръ, мы не знаемъ,—отвѣтилъ гость.—Бога, Который отецъ всѣхъ людей, всѣхъ народовъ! Онъ управляетъ всѣмъ міромъ и всѣми странами... Мы всѣ Его дѣти...

Пясть, нѣсколько удивленный, внимательно прислушивался.

— Такому Богу когда-то и мы поклонялись,—сказалъ онъ, подумавъ:—единого, всемогущаго! Мы ему и теперь поклоняемся, хотя духовъ, подвластныхъ ему, очень много...

Гости обмѣнялись взглядами и не отвѣтили Пясту. — Обь такой новой вѣрѣ, — началъ хозяинъ послѣ нѣкотораго молчанія: — мы слышали очень много. У насъ есть такіе, которые для нея побросали своихъ боговъ! Вы тоже изъ новыхъ людей?

— Да, мы дѣти единого Бога, — отвѣтили гости почти въ одинъ голосъ: — и заявляемъ это открыто.

Пясть задумался было, но затѣмъ отодвинулся отъ гостей.

— Мечомъ и кровью обращаютъ нѣмцы за Лабою въ новую вѣру, — сказалъ онъ холодно. — И мы совсѣмъ не желаемъ имѣть одного съ ними Бога.

Гости опять другъ на друга взглянули. Пясть приглашалъ ихъ отвѣдать различныхъ кушаній, а самъ, подстрекаемый любопытствомъ, переходилъ все къ новымъ вопросамъ, касающимся той вѣры, о которой ему сильно-таки хотѣлось кое-что разузнать. Въ описываемое время, христіанская религія не была уже вполне чуждою славянамъ; но доходя къ нимъ съ разныхъ сторонъ, различнаго рода путями — часто, на неокрѣпшей почвѣ, она сливалась съ прежними вѣрованіями и вырождалась въ новую, смягченную форму язычества; послѣдняя не оставалась безъ пользы: она уравнивала путь грядущему торжеству христіанскаго культа. Крестъ, который пока игралъ роль амулета, замѣчался, однако, на многихъ. Даже умершимъ язычникамъ клали его въ могилу. Все чаще встрѣчались крещенные люди, хотя, внутренно, они по-прежнему были язычниками. Народъ выказывалъ упорную привязанность къ вѣрѣ отцовъ, къ старымъ преданіямъ, къ созданному ими общественному порядку. Славянское язычество никогда не являлось въ видѣ изысканныхъ, строго опредѣленныхъ постоянныхъ обрядовъ, въ какихъ выражались другія аналогичныя этому вѣрованія. Славяне поклонялись одному, верховному Божеству, боялись подвластныхъ Ему духовъ; для нихъ вся природа казалась какимъ-то живымъ разумнымъ существомъ, составляющимъ одно общее цѣлое со всѣми принадлежащими ей созданіями, живущимъ одною общою съ ними жизнью.

Воды, по ихъ понятіямъ, были населены духами, дающими жизнь и силу; птицы — имѣли особенный свой языкъ, звѣри — своихъ покровителей; бури и вѣтры являлись предвѣстниками не-

счастія и карателями; все—земля и небо—сливалось въ одно общее цѣлое, которое и было великимъ Богомъ. Это гармоническое слияніе воедино всѣхъ силъ природы, этотъ неумолимый законъ, управлявшій судьбою, жизнью, цѣлями—этотъ законъ успокаивалъ всѣхъ, всѣхъ мирилъ, всѣхъ дѣлалъ счастливыми. Изъ него возникали дружескія, братскія отношенія не только между людьми, но и между животными, и только злое начало да необходимость защиты впервые поселяли въ славянахъ элементы—сомнѣнія, вражды. Этотъ замкнутый міръ не требовалъ ничего кромѣ свободы вращаться въ своихъ постоянныхъ, неизмѣнныхъ предѣлахъ.

Послѣ ужина гости опять встали, чтобы помолиться и, только по окончаніи молитвы, снова усѣлись.

Пясть спросилъ, какія были слова ихъ молитвы и могутъ-ли они ему быть понятными.

Тогда младшій изъ двухъ гостей повторилъ звучнымъ голосомъ слова благодарственной молитвы, которая воздавала должное всемогущему Богу за все Имъ ниспосланное въ этотъ день и за все, что вообще когда-либо Богу угодно было имъ даровать.

Пясть понялъ слова, но призадумался надъ ихъ смысломъ.

— Стало-быть, — сказалъ онъ: — Богъ одинъ для всѣхъ на землѣ?

— Да, — отвѣтилъ гость: — и этому-то Богу мы поклоняемся, а кромѣ насъ и большая часть народовъ. Между нами есть и братья наши, говорящіе однимъ съ нами языкомъ.

— Они, значить, будутъ нашими врагами? — спросилъ хозяинъ.

— Нѣтъ, никогда, потому что они глубоко убѣждены, согласно съ ученіемъ ихъ новой вѣры, что люди всѣ, всѣ народы—ихъ братья; что никому не слѣдуетъ нападать на соебда, ни убивать его; любить всѣхъ, даже своихъ враговъ—вотъ законъ новой вѣры!

— Враговъ любить!.. — удивился Пясть и всплеснулъ руками: — да развѣ это возможно? Враговъ? Значить, и нѣмца тоже? И нѣмца надо любить? Но, въ случаѣ нападенія, разрѣшается защищаться?

— Да, — отвѣчалъ гость.

— Лицо хозяина приняло строгое выраженіе. Онъ проговорилъ торжественно:

— Они никогда не будутъ нашими братьями, никогда!

Разговоръ прервался на этомъ. Гости не настаивали на своемъ. Долго полная тишина царствовала въ свѣтлицѣ. Наконецъ, пріѣзжіе стали разспрашивать о томъ, что теперь происходитъ на родинѣ Пяста. Тогда онъ, какъ-бы придравшись къ случаю, всю неурядицу объяснялъ вліяніемъ нѣмцевъ, съ которыми князья слишкомъ дружатъ.

— Нѣмцы хотятъ завладѣть нашею землею, сдѣлать ее своей добычею,—сказалъ онъ, между прочимъ:—они прижимаютъ насъ, не прочь-бы и уничтожить, а все для того, чтобы имъ было проторіе...

— Это правда,—сказалъ старшій гость:—нѣкоторые князья, какъ, напримѣръ, вашъ, вздумали съ ними дружбу водить, стараясь сохранить хорошія отношенія, потому-что нѣмцевъ несмѣтное количество, и притомъ вооружены они всѣ превосходно. Другіе князья, напротивъ, подумываютъ, какъ-бы соединить всѣ наши небольшіе народы и племена въ одно цѣлое, и такимъ образомъ создать новую силу, которая съ успѣхомъ могла-бы противиться нападеніямъ нѣмцевъ... Для этого, чтобы сравняться съ нѣмцами, они принимаютъ новую вѣру, а между собою завязываютъ дружескія отношенія, съ цѣлью сообща воевать съ исконнымъ нашимъ врагомъ.

Пястъ просилъ поименовать этихъ умныхъ князей, и тогда, въ короткихъ словахъ, гости объяснили ему, что все, о чемъ они говорили, осуществилось уже въ Чехіи и Моравіи, что поляне тоже вскорѣ должны были пристать къ этому союзу. Дальше онъ продолжалъ:

— Все-же, вождь и глава нуженъ народу... Прочіе наши народы тоже имѣютъ князей, особенно тѣ, которые, волей-неволей, принуждены воевать. Вотъ потому-то вы и не хорошо дѣлаете, желая свергнуть настоящаго вашего князя, чтобъ ужъ не знать никакого.

— Мы вовсе этого сдѣлать не думаемъ,—возразилъ Пястъ:—мы тотчасъ-же выберемъ другого, пусть править нами; а этотъ извергъ вѣдъ проливалъ нашу кровь, убивалъ безвинныхъ и даже отравлялъ своихъ родственниковъ. Вотъ почему мы не можемъ дольше его терпѣть надъ собою и подговариваемъ народъ къ низверженію ненавистной намъ власти.

Потомъ Пясть разсказалъ, что выдѣлывалъ Хвостекъ, какъ умертвилъ онъ родныхъ своихъ дядей, какъ избивалъ кметовъ и приглашалъ нѣмцевъ къ себѣ на помощь противъ своихъ-же.

Вечеръ былъ тихій, теплый. Хозяинъ и гости вышли на крыльцо подышать свѣжимъ воздухомъ; усѣвшись на скамьи, они продолжали начатый въ избѣ разговоръ. Пясть снова перешелъ на тему о новой вѣрѣ, которая все болѣе подстрекала его любопытство. Тогда одинъ изъ гостей такъ началъ ему объяснять:

— Это—единая вѣра для всѣхъ, въ будущемъ она объемлетъ весь міръ, а когда это совершится, то не будетъ ни вражды, ни рабства, ни несчастныхъ людей... Останутся дѣти одного и того же Отца... У насъ-же вѣра должна привиться, должна расти, а со временемъ дать и плоды, потому-что истины эти, за много-много лѣтъ до настоящаго времени, были ужъ намъ извѣстны, да и вообще по природѣ мы не жестоки, не безсердечны... Чужому мы всегда предлагали кровь, бѣдному—помощь, голодному—пищу, покровительство—угнетенному... Если мы и не были въ состояніи обнять всего величія единого Бога, тѣмъ не менѣе вѣрили только въ Него Одного.

— Этотъ вашъ единый, великій Богъ заставляетъ нѣмцевъ любить!—изумился Пясть.—Непонятно!..

Гости улыбнулись.

Немного погодя старикъ всталъ со скамьи и поднялъ съ земли два бруска; сложивъ изъ нихъ крестъ, онъ обратился къ гостямъ:

— Я знакъ этотъ видѣлъ, и знаю, что ему поклоняются поборники новой вѣры.. Носятъ его на груди въ огражденіе отъ всякаго зла... Скажите-же мнѣ, что онъ обозначаетъ?

— Если захочешь послушать меня,—сказалъ гость, принимая изъ рукъ Пяста крестъ и цѣлуя его:—я охотно тебѣ повѣдаю объ этомъ знакѣ и о новой вѣрѣ; тѣмъ охотнѣе,—добавилъ онъ, вынимая изъ-подъ одежды каменный крестикъ:—что наше вѣдѣ путешествіе съ тою цѣлію предпринято, чтобы отыскивать дѣтей единого Бога, разсказывать имъ объ Отцѣ ихъ, Который имъ не извѣстенъ... Крестъ—знакъ Родившагося среди избраннаго Богомъ народа на дальнемъ востокѣ; Онъ былъ Сыномъ Бога, воплощеннымъ Богомъ...

Пастъ съ любопытствомъ прислушивался, стараясь уловить каждое слово; гость, между тѣмъ, продолжалъ:

— На дальнемъ востокѣ, въ давно минувшія времена, жилъ избранный Богомъ народъ, который одинъ только, среди окружавшихъ его язычниковъ, поклонялся единому Богу, Создателю неба и земли. Изъ среды этого народа въ разное время появлялись пророки, которымъ Богъ объявлялъ, что снизошлетъ на землю Своего Сына, что Онъ оснуетъ на землѣ новую вѣру, а жизнью Своею дастъ видимое свидѣтельство Своего посланничества. Въ назначенный день и часъ исполнились предсказанія пророковъ: Сынъ Божій родился отъ Дѣвы Маріи; родился Онъ въ нищетѣ, при обстановкѣ болѣе чѣмъ убогой, въ сараѣ, на распутьи; Мать Его въ то время принуждена была спастись бѣгствомъ... Вся жизнь Его была непрерывнымъ рядомъ чудесъ. Едва достигнувшій юношескаго возраста, Онъ сталъ открывать людямъ глаза, указывая имъ истину; Онъ излѣчивалъ больныхъ, воскрешалъ мертвыхъ, утѣшалъ огорченныхъ, приниженныхъ. Ни царемъ, ни вождемъ, ни владыкою не хотѣлъ онъ быть. Жилъ Онъ у Своего опекуна, бѣднаго плотника, въ обществѣ рыбаковъ и простого народа, а, между тѣмъ, всѣ признавали въ Немъ Бога, убѣждались все больше и больше въ истинѣ того, что Онъ говорилъ; чудеса, Имъ творимыя, были лучшимъ свидѣтельствомъ истинности Его посланничества. Онъ училъ, что единъ только Богъ, что люди—дѣти Его, что всѣ они братья, и какъ братья должны любить, поддерживать другъ-друга. Училъ Онъ не ссориться, въ согласіи жить со всѣми. И этого-то Бого-Человѣка, злые люди, опасавшіеся Его потому, что Онъ запрещалъ дѣлать зло, оклеветали, осудили и, наконецъ, распяли на деревянномъ крестѣ...

Пастъ вздохнулъ.

— Какъ-же это Богъ могъ позволить, чтобы Его мучили?—спросилъ онъ.

— Богъ допустилъ это для того, чтобы показать Свою славу, чтобы воскресить Сына Своего изъ мертвыхъ и вознести на небо и тѣмъ убѣдить малодушныхъ людей.

— Такъ оно все и случилось?—спрашивалъ Пастъ.

— Да,—было отвѣтомъ:—кромѣ того Богъ являлъ много другихъ чудесъ, еще болѣе утвердившихъ въ вѣрѣ людей... А самое глав-

ное это то, что бѣдные рыбаки, плотники изъ простаго народа дѣйствуя именемъ Сына Божьяго—счумѣли обратить въ новую вѣру царей, сильныхъ міра сего, мудрецовъ, разрушили алтари прежнихъ боговъ, и на развалинахъ ихъ водворили новую вѣру, которая, чѣмъ дальше, тѣмъ шире и шире повсюду распространяется...

Пясть внималъ молча. Гость, указывая на крестъ, бывшій въ его рукѣ, прибавилъ, что этотъ знакъ смерти сталъ знакомъ, символомъ новой жизни, и потому исповѣдующіе новую вѣру носятъ его при себѣ. Названіе свое получили они по имени Бога-Христа, замученнаго злыми людьми; жизнь Его стала для нихъ образцомъ, по ней они и свою устроить стараются...

Пясть, изъ сказаннаго ему, многое понялъ, многого-же понять оказался не въ состояніи; разспрашивалъ, отрицалъ возможность нѣкоторыхъ событій, и такъ разговоръ продолжался до поздней ночи.

Съ того мѣста, гдѣ они сидѣли, видны были и озеро, и княжескій столбъ... Вдругъ окружавшій ихъ мракъ освѣтился: на одномъ изъ пригорковъ показался огонь и столбомъ поднялся вверхъ. Гости не успѣли еще спросить о значеніи этого, когда на сосѣднихъ холмахъ показались подобныя-же огни... Даже окрестности всё словно были объаты пожаромъ. На небѣ показалось зарево.

— Что эти огни означаютъ?—спросили гости.—Не поджогъ ли кто? Не враги-ли появились у васъ?

— Нѣтъ... Это огненные сигналы:—спокойно отвѣтилъ Пясть,—это сигналы войны... Въ эту минуту народъ и всё наши знаютъ, что обязаны собраться къ извѣстному мѣсту...

Онъ указалъ рукою въ сторону княжескаго замка...

Какъ-бы въ насмѣшку надъ этимъ воззваніемъ къ походу, князь приказалъ зажечь такой-же огонь на самой верхушкѣ башни.

Огонь, отраженный зеркальною поверхностью озера, усиливалъ впечатлѣніе. Зрѣлище было величественное, но и ужасное; казалось, война, огненными скрижалями смерти и истребленія, запечатлѣла свой символъ на темномъ фонѣ небеснаго свода. Гости невольно вздохнули.

— Не бойтесь,—успокаивалъ Пясть послѣ нѣкотораго молчанія: чужому вреда не сдѣлаюгъ, хотя-бы война и разгорѣлась; къ

тому-же, пока соберется народъ пройдетъ еще нѣсколько дней. Я попрошу васъ побыть у меня хоть одинъ лишній денекъ... Завтра въ семействѣ моемъ праздникъ великій: единственному моему сыну исполнится ровно семь лѣтъ... Жизнь для него едва начинается.. Не знаю, прійдетъ-ли кто изъ родныхъ, время теперь такое—всѣ о войнѣ только и думаютъ... Оставайтесь-же, добрые люди,—слушители Бога любви и мира... Будьте свидѣтелями торжественнаго обряда...

Гости переглянулись; младшій изъ нихъ отвѣчалъ:

— Итъ быть по твоему,—лишній денекъ прогостимъ у тебя!..

Высказавъ это рѣшеніе, несказанно обрадовавшее старика, гости ушли въ отведенную имъ избу, гдѣ были постланы имъ постели.

На слѣдующій день, съ самаго утра, вся окрестность представлялась устѣянною людьми, спѣшившими, съ разныхъ концовъ, приготовиться къ нападенію на замокъ. Огни исполнили свое назначеніе. Народъ все прибывалъ, и Хвостекъ, стоя на башнѣ, могъ воочию убѣдиться, какая громадная сила собралась идти на него.

Замокъ, между тѣмъ, укрѣплялся; вокругъ него дѣлали насыпи; ставили частоколы; всюду, взадъ и впередъ, расхаживали часовые, даже на самомъ верху башни постоянно мелькали фигуры вооруженныхъ воиновъ.

Хоть Пясть и потерялъ всякую надежду видѣть гостей у себя, однако почти всѣ старшіе кметы, жупаны, владыки толпились у воротъ, ведущихъ въ его убогую хижину, такъ что и онъ, и жена его Ржепица, недоумѣвали, какъ, при ихъ скудныхъ средствахъ, накормить такую массу людей. Впрочемъ, въ данную минуту, быть можетъ, запасовъ-бы и хватило угостить какъ слѣдуетъ дорогихъ гостей, но какъ потомъ пробыть всю зиму? Призадумался старшій хозяинъ надъ этимъ вопросомъ, но, въ концѣ концовъ, пришелъ къ заключенію, что, если-бы пришлось ему даже остаться безъ единой крупинки хлѣба—все-же гостей слѣдуетъ угостить на-славу.

У воротъ своего дома принималъ онъ съ веселымъ лицомъ поздравленія всѣхъ пріѣзжавшихъ къ нему.

Старшіе, оставивъ слугъ отдыхать среди поля, одинъ за другимъ являлись привѣтствовать сына Кошечка. Прибыли тоже и Мышки, во главѣ которыхъ видѣлся Мышко—Кровавая Шея.

— Хорошая для тебя примѣта,—воскликнулъ онъ, поздравляя Пяста,—что въ этакій день начинаемъ бороться съ нѣмецкой неволей. Это значить, что сынъ твой дождется того блаженнаго времени, когда у насъ водворятся снова старинные наши порядки и возлюбленная свобода!..

Затѣмъ, всѣ начали другъ съ другомъ здороваться, и прибывшимъ еще наканунѣ чужеземнымъ гостямъ съ охотою предоставили самое почетное мѣсто. Всѣ сдѣлали это по единодушному побужденію, узнавъ, что чужеземцы—ихъ братья, говорящіе однимъ съ ними нарѣчіемъ. Хозяинъ немедленно велѣлъ разставлять столы на дворѣ, въ тѣни деревьевъ, на столахъ наставили мяса, хлѣба, праздничныхъ караваевъ и калачей, а рядомъ бочки съ медомъ и пивомъ и всѣ, какія только нашлись чарки и черпаки.

Пока продолжался сѣздъ, гости прибывшіе раньше успѣлись за столъ и вели разговоры. Одинъ изъ прибывшихъ вчера чужеземцевъ убѣждалъ всѣхъ, что полине, ради общаго дѣла—отраженія націи отъ нѣмецчины, стремящейся къ истребленію славянства, должны-бы соединиться съ чехами и моравами. Со стороны иѣмцевъ славянамъ угрожала опасность, съ которою можно бороться лишь общими силами.

На это Мышки сказали:

— Дайте сначала вырвать съ корнемъ то зло, что глубоко у насъ зашло, а тамъ ужъ подумаемъ, какъ намъ быть и что предпринять.

Около полудня—домъ, дворъ и сосѣдній лужокъ оказались переполненными народомъ: все это были гости Пяста. Наступило время свершить обрядъ постриженія. Обыкновенно, въ семьѣ, мѣсто жреца занимаетъ глава дома—отецъ; онъ же приносилъ и жертвы богамъ.

Достигнувъ семилѣтняго возраста, сыновья изъ-подъ материнскаго надзора переходили на отцовское попеченіе, начинали приготовляться къ будущей дѣятельности воиновъ или земледѣльцевъ. Чаще всего отдавали ихъ на воспитаніе дядямъ или старшимъ ихъ братьямъ, какъ это и донынѣ ведется у нѣкоторыхъ кавказскихъ племенъ; предполагалось, съ одной стороны, что отецъ недостаточно строго относится къ сыну, а съ другой—что строгость родителя могла-бы уменьшить, а въ крайности и разстроить

тѣ чувства любви и взаимнаго уваженія, безъ которыхъ семейныя отношенія не мыслимы.

Тутъ же, почти у самыхъ столовъ, на скорую руку изъ простыхъ досокъ, сколоченныхъ и покрытыхъ узорно-шитыми полотенцами, находился родникъ, почитавшійся священнымъ, и большой камень для приношенія жертвъ.

Когда всѣ гости собрались, мать привела сына своего, семилѣтняго мальчика, въ бѣдой одеждѣ, съ длинными волосами, которыхъ еще никогда ножницы не касались, и съ плачемъ вручила его отцу.

Пясть, стоя у камня, приготовлялся къ принятію сына. Когда мальчикъ припалъ къ отцовскимъ ногамъ, старикъ наклонился, приподнялъ его, расцѣловалъ и sprыснулъ водою изъ родника. Потомъ заранѣе приготовленными ножницами, Пясть обрѣзалъ сыну пучокъ волосъ надо лбомъ и передалъ ножницы гостямъ и старшинамъ; каждый изъ нихъ обязывался поочередно обрѣзывать мальчику по приди волосъ. На случай, чтобы обрѣзки ихъ, какъ-нибудь, не попали въ огонь, что считалось дурнымъ предзнаменованіемъ, ихъ бережно собрали и зарыли въ землю около камня.

Наступила очередь дать мальчику имя, до сихъ поръ онъ просто былъ „сыномъ Пяста“. Исполненіе этой обрядности старикъ-отецъ просилъ младшаго чужеземца взять на себя.

Чужеземецъ поднялся съ мѣста и проговорилъ:

— Если желаешь, чтобы я далъ ему имя, то попрошу у тебя позволить совершить этотъ обрядъ такъ, какъ его совершаютъ у насъ... Я долженъ благословить твоего сына... Богъ, Которому поклоняются моравы и чехи, — дѣти одного съ вами „слова“ — Богъ всѣхъ насъ и всѣхъ людей... Во имя Его, во имя Сына и Духа Святаго, я крещу отрока и даю ему имя Земовида... Да узритъ онъ свою родину спокойною и счастливою!

Послѣ этихъ словъ, чужеземецъ, обмокнувъ въ ключевой водѣ два пальца, сдѣлалъ ими на лбу мальчика какой-то таинственный знакъ.

Пясть, которому данное имя очень понравилось, отъ души поблагодарилъ добраго чужеземнаго гостя и при этомъ желалъ подарить ему что-либо на память; тотъ наотрѣвъ отказался, сказавъ, что какъ онъ, такъ и товарищъ его покланялись

всю жизнь не имѣть ничего лишняго. Послѣ того, оба они отошли въ сторону, не желая мѣшать старшинамъ, открытъ совѣщаніе о средствахъ къ войнѣ, такъ сильно всѣхъ безпокоившей. Взоры присутствующихъ невольно къ себѣ приковывалъ силуэтъ темной башни надъ озеромъ и Мышко Кровавая-Шея, смотря на нее, воскликнулъ:

— Уничтожимъ это гнѣздо проклятое! Пусть осада продлится не одинъ—десять мѣсяцевъ, а ужъ гибели-то ему избѣжать не придется!..

— Такъ-то такъ,—замѣтилъ Стиборъ:—но ты, кажется, забываешь, что вѣдь живъ еще и Милошъ со своимъ отродьемъ, а они той-же крови! Да у нѣмцевъ—два княжескихъ сына воспитываются, что отосланы матерью къ дѣду... Какъ пожалуютъ птенчики съ нѣмцами, да наслѣдства потребуютъ—гдѣ тутъ мѣсяцемъ ограничиться, тутъ войну-то считай годами!.. Еслибъ Хвостекъ одинъ...

— Ну, Милоша-то, старика горемъ пришибленнаго, бояться намъ нечего!.. Тотъ какъ дома засядетъ, такъ и съ мѣста не тронется!.. А вотъ съ нѣмцами... дѣло другое!.. Съ ними спѣшишься—не развяжешься!..

Подобныя предсказанія о продолжительности войны никому не прилипли по вкусу. Каждый вздохнулъ—война отрывала его отъ родного угла, неумолимымъ серпомъ косила людей, нарушала спокойствіе, заставляла браться за оружіе тѣхъ, кто привыкъ лишь обрабатывать землю. Но исхода другого не было! Весь народъ проникся твердымъ намѣреніемъ не отдыхать до тѣхъ поръ, пока не вернетъ своихъ старыхъ порядковъ и обычаевъ предковъ.

Вдругъ, въ то время какъ старики еще совѣщались, со стороны лѣса грянула хоровая обрядная пѣсня: то женщины и дѣвушки пѣли въ сосѣдней рощѣ. Всѣ умолкли, прислушиваясь къ роднымъ звукамъ.

Это была старинная пѣсня, до того старая, что тогдашняя молодежь только кое-что изъ нея понимала. Въ ней пѣлось о старыхъ, забытыхъ богахъ, о жертвахъ, какихъ уже приносить не умѣютъ... Въ ней было воззваніе къ ясному солнышку, чтобы оно ниспослало счастливый лучъ на голову постриженного отрока; къ росѣ—чтобы она окропила его и тѣмъ помогла ему вырасти; къ

водѣ—чтобъ влила въ него силу и мужество; къ землѣ—чтобы юноша росъ какъ дубъ, блисталъ—какъ звѣзда, чтобъ нападалъ на враговъ—какъ орелъ... Далѣе пѣска гнала черныхъ злыхъ духовъ и все худое отъ постриженнаго; по временамъ слышались возгласы „Ладѡ! Ладѡ!“,—причемъ мѣрно ударили въ ладоши. Мать, по обычаю, принесла вѣнокъ, свитый изъ травъ, дающихъ здоровье и счастье, и украсила имъ голову своего любимца.

Едва замерли въ воздухѣ послѣднiе звуки той пѣска, сейчасть же возобновились другія съ болѣе веселымъ напѣвомъ. Наконецъ, отецъ поднялся съ мѣста, взявъ за руку сына и просилъ всѣхъ за нимъ послѣдовать—помолиться и принести жертву на могилахъ отцовъ. Когда стали отыскивать чужеземцевъ, чтобы дать имъ почетное мѣсто въ шествiи—ихъ не нашли. Они куда-то исчезли, оставивъ въ избѣ на столѣ подарокъ для Земовида—блестящiй золотой крестикъ. Послѣ напрасныхъ розысковъ, Пястѣ, во главѣ всѣхъ присутствующихъ, отправился на могилы предковъ.

По самой срединѣ кладбища возвышались могилы Коннычка, дѣдовъ и прадѣдовъ Пяста. Здѣсь съ незапамятныхъ временъ была семейная усыпальница. Кое-кто изъ гостей выливалъ на могилы принесенное въ чаркахъ вино, а женщины, присутствуя въ нѣкоторомъ отдаленiи, пѣли обрядовую пѣсню. До поздней ночи праздновалось торжество постриженiя, прибывали все новые гости... Ужъ звѣзды заглялись на небѣ, когда послѣднiй изъ пировавшихъ простился съ радужнымъ хозяиномъ, уходя изъ его гостепрiимнаго дома.

Пястѣ присѣлъ отдохнуть на крыльцѣ. У порога стояла Рженица.

— Сердце твое, конечно, радуется,—сказалъ ей Пястѣ,—что судьба ниспослала нашему сыну столь знаменательное начало жизни, дала намъ принять у себя столько гостей, сколько ихъ никогда не видѣла наша хижина?

— Господинъ мой,—отвѣчала Рженица:—и радуется оно, и печалится одновременно... Зайди въ амбаръ посмотрѣть... У насъ ничего почти не осталось... Муки хватить еще на нѣсколько дней, а дальше-то что?

Хозяинъ улыбнулся.

— Того, что потрачено на гостей, жалѣть нечего! Старинное преданiе гласитъ, что такiя траты вернутся сторицею!.. Лишь-бы война миновала!..

И невольно ихъ взглядъ устремился въ сторону Гопла. На башнѣ пылалъ огонь, а около замка, куда глазомъ ни кинь, расположились лагерьмъ кметы.

XX.

Мы принуждены вернуться теперь къ совершившемуся за нѣсколько времени до того момента, какъ Мышко велѣлъ зажечь условленные огни.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ, обыкновенно, желавшіе посѣтить храмъ Ниолы путники должны были нанимать лодку, переправлявшую ихъ на островъ, на пригорѣхъ, у самаго озера, стояло нѣсколько хижинъ; изъ нихъ какъ внѣшностью, такъ и относительной прочностью постройки, отличалась хижина гончара Мирша. Самого Мирша и его хижину хорошо знали все не только сосѣди, но и живущіе въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ, такъ-какъ кметы ни у кого другого не покупали горшковъ, мисокъ и всякихъ иныхъ издѣлій изъ глины. Еще отецъ Мирша, дѣдъ и прадѣдъ его занимались тѣмъ ремесломъ; особенно красиво выдѣлывалъ онъ жертвенные горшки, что впрочемъ нисколько не было удивительнымъ, въ виду того, что весь родъ его, съ давнихъ временъ, исключительно занимался лѣпкою горшковъ. Миршъ былъ человѣкомъ чрезвычайно богатымъ, богаче иного кмета, и все говорили о немъ, что онъ давно могъ-бы бросить свое ремесло, потому-что всего было у него вдоволь. Миршъ, однако, не бросалъ своего ремесла; онъ любилъ его и гордился имъ. Не въ одной, такъ въ другой печи, но всегда у него пылалъ огонь; онъ не понималъ, чтобы возможно было даромъ время терять. Кромѣ хижины, въ которой жилъ самъ старикъ и которая была полна всякаго добра, у Мирша былъ еще и большой сарай. Вмѣстѣ съ главою семейства жилъ его сынъ, какъ и отецъ называвшійся Миршомъ. Кромѣ него была еще младшая дочь Мила; старшія уже оставили отчій домъ.

Жены старика Мирша поумирали давно, а было ихъ двѣ; послѣ такой утраты онъ ужъ не захотѣлъ вторично жениться, хотя осуществить это ему было легко: богатый, ласковый въ об-

хожденіи,—всякая женщина съ радостью согласилась-бы стать женою такого мужа.

Однажды,—а происходило это раньше, чѣмъ кметы возстали на князя, какъ-то недолго послѣ Купалова дня—старикъ сидѣлъ на привычномъ мѣстѣ, скрестивъ на груди руки и съ любовью поглядывалъ на свою печь. Мимо него проходили люди, отправлявшіеся на Ледницу. Нѣкоторые ему кланялись, а другіе, лишь посмотрѣвъ на него, молча продолжали свой путь.

Солнце свѣтило ярко, пчелы и мухи жужжали въ воздухѣ, вѣтеръ стихъ, зеркальная поверхность спокойнаго озера была такъ ослѣпительна, что трудно было глядѣть на нее.

Вдругъ нѣсколько всадниковъ, подскакавъ къ берегу, остановились почти у самаго Мирша. Старикъ со вниманіемъ разсматривалъ пріѣзжихъ—людей, лошадей,—словомъ, все; такая ужъ у него была привычка—тщательно изслѣдовать то, что на глаза навернулось. Впереди всѣхъ стоялъ кметъ, богато одѣтый, за нимъ нѣсколько слугъ. Когда онъ сходилъ съ лошади, слуги почтительно подбѣжали помочь ему принять коня. Ни одной лодки не было замѣтно у берега—пришлось подождать. Слуги начали звать рыбака, но онъ былъ еще далеко, хотя, услышавъ ихъ, видимо сталъ торопиться.

Пріѣзжій кметъ подошелъ къ Миршу съ привѣтствіемъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь, старикъ?—спросилъ пріѣзжій.

— А ты?—былъ отвѣтъ.

— Я на Ледницу собираюсь, въ храмъ....

— А мнѣ и храма не нужно, для меня всюду есть духи—отвѣтилъ старикъ.—Ты, жупанъ, изъ далекихъ мѣстъ?

Спрошенный указалъ рукою на лѣсъ по ту сторону озера.

— Я Доманъ,—сказалъ онъ.

Старикъ посмотрѣлъ на него и прибавилъ:

— А я гончаръ Миршъ.

Наступило продолжительное молчаніе.

— Вы, кажись, разорили башню надъ озеромъ и князя похитили?—спросилъ, наконецъ, Миршъ.—Вы, что-то, какъ слышно, на него, а онъ на васъ, зубы острите?

— Попа еще нѣтъ,—отвѣтилъ Доманъ.

— И думаете остаться безъ князя?—продолжалъ старикъ.— Пчелы, и тѣ безъ матки въ ульѣ и дня не проживуть...

— Вѣрно,—согласился Доманъ.—Но мы одного выгонимъ, а другого поставимъ, лишь бы было согласіе.

— Согласіе! Да!—замѣтилъ Миршъ.—Нужно, чтобы вы сѣумѣли его устроить... Дѣлайте вотъ, какъ я дѣлаю: глина одна распадается, а съ прибавкою къ ней воды можно сдѣлать горшокъ. Вотъ вы и поищите-ка воды этой самой...

Доманъ не отвѣтилъ на это. Миршъ ворчалъ себѣ подъ носъ:

— Тронете съ мѣста Хвоста и выйдетъ бѣда... Онъ наведетъ вамъ нѣмцевъ, поморцевъ...

— Прогонимъ ихъ!

— Да! Когда вамъ поля разорять, а мнѣ горшки перебьютъ!—замѣтилъ Миршъ, усмѣхаясь.

Затѣмъ, онъ встряхнулъ головою и сталъ безцѣльно смотрѣть на озеро.

Въ эту минуту лодка причалила къ берегу. Доманъ подошелъ къ ней.

— Это ты такъ-то въ храмъ—безъ всякаго дара? удивился Миршъ.

— Хочется тебѣ, чтобы я горшокъ купилъ!—сказалъ Доманъ.

— Мнѣ этого вовсе не нужно, а тебѣ пригодилось-бы,—замѣтилъ Миршъ.

— Но ты вѣдь ихъ даромъ не отдаешь?

— Иногда,—загадочно отвѣчалъ старикъ и ударилъ въ ладоши.—Сегодня такой ужъ день, я дамъ тебѣ даромъ горшки, только поставь ихъ передъ Ніолою...

На зовъ старика явился сынъ его, уже пожилой человѣкъ, который безъ словъ, по движенію лишь руки старика, понялъ, что ему нужно было. Немного спустя онъ вынесъ изъ сарая нѣсколько большихъ сосудовъ, которые и отдалъ Доману.

Въ тѣ времена, поляне были уже знакомы съ употребленіемъ денегъ, хотя ихъ сами не дѣлали. Деньги съ давнихъ поръ приносили и привозили къ нимъ тѣ, что, слѣдуя по окраинамъ полянской земли съ юго-запада, пріѣзжали за яитаремъ. Римскія, греческія и арабскія деньги тоже встрѣчались здѣсь въ обращеніи. Доманъ, имѣя при себѣ нѣсколько такихъ серебряныхъ

знаковъ, хотѣлъ одинъ изъ нихъ дать Миршу, но старикъ отказался.

— Поставь это отъ моего имени, — сказалъ онъ и уѣхалъ на прежнемъ мѣстѣ.

Доманъ вошелъ въ лодку; полунагой перевозчикъ, весь обросшій волосами, взялся за весла; напѣвая какую-то пѣсенку, онъ отчалилъ отъ берега.

У священнаго огня въ храмѣ Ніолы сидѣла Дива. Здѣсь, несмотря на невыносимую жару на дворѣ, было прохладно. Огонь горѣлъ слабымъ пламенемъ. Легкая струйка дыма прямо возносилась подъ крышу, и тамъ, черезъ отверстіе, выходила наружу. На камняхъ, вкругъ жертвенника, сидѣли три женщины. Двѣ изъ нихъ спали, третья поддерживала огонь. Эта третья—была Дива.

Въ вѣнѣ, окутанная прозрачною бѣлою тканью, съ волосами небрежно распущенными — Дива, среди полумрака ее окружавшаго, казалась видѣніемъ.

Въ храмѣ, кромѣ трехъ женщинъ, никого больше не было.

Дива неподвижно сидѣла; она мечтала о прошломъ... Вдругъ занавѣсь, тихо шурша, приподнялась... Дива обернулась на шорохъ, вскрикнула и упала безъ чувствъ.

У входа стоялъ убитый ею Доманъ: Дивѣ представилось, что духъ его снова вернулся на землю.

Двѣ спящія жрицы проснулись, но не могли сразу понять происшедшаго. Доманъ, между тѣмъ, подбѣжалъ къ красавицѣ, поднялъ ее съ земли и держалъ на рукахъ.

Дива открыла глаза и сейчасъ-же закрыла ихъ, всѣми силами стараясь освободиться изъ рукъ Домана. Она теперь убѣдилась, что Доманъ живъ, но боялась, что онъ пришелъ отомстить ей даже у жертвенника.

Дива вскрикнула—Доманъ отступилъ и остановился въ самомъ темномъ углу. Проснувшіяся женщины подкладывали лучины въ костеръ; огонь освѣтилъ внутренность храма. Дива не могла оторвать глазъ отъ стоящаго у входа Домана.

— Не опасайся меня, — проговорилъ онъ: — я ничего дурного не сдѣлаю; мнѣ мести не нужно! Я хотѣлъ тебя видѣть и убѣдить, что я живъ. Для этого только я и пришелъ...

— Выйди отсюда, умоляю тебя, — произнесла Дива, подни-

малѣ съ земли.—Я вслѣдъ за тобою сейчасъ приду, опажу тебѣ все—я не виновна!..

Доманъ, послушный ея мольбѣ, вышелъ; занавѣсъ, зашуршавъ, опустился. Дива напилась воды изъ священнаго родника и медленно вышла изъ храма.

Неподалеку, за вторымъ заборомъ, стоялъ Доманъ. Она приѣхала его издали. Онъ былъ еще блѣденъ, но жгучая страсть по-прежнему искрилась въ его глазахъ.

Дива съ робостью подошла къ нему.

— Ты можешь меня убить,—сказала она.—Я защищаться не буду. Я не могла жить съ тобою... Я дала клятву богамъ и духамъ...

Доманъ грустно смотрѣлъ на нее: она казалась ему теперь еще красивѣе прежней Дивы, которую силою хотѣлъ онъ заставить отдаться ему...

— Дива,—обратился онъ къ ней:—подобная жизнь равняется смерти, а боги и духи...

Онъ побоялся докончить.

— Что за жизнь безъ людей?—продолжалъ онъ:—у меня ты нашла-бы другую жизнь: домъ, семью, защиту, все, все, что только-бы вздумала пожелать... Кто запретилъ-бы тебѣ приносить жертву богамъ и у ключа, или на распутии бесѣдовать съ духами?..

— Духи также ревнивы, какъ и люди,—отвѣтила Дива, всматриваясь съ оттѣнкомъ тревоги въ лицо Домана:—духамъ и людямъ вмѣстѣ служить нельзя... Вѣнокъ мой принадлежитъ первымъ...

Доманъ хотѣлъ приблизиться къ ней,—она отступила... Человѣкъ, стоявшій предъ нею, говорившій съ нею безъ злобы, человѣкъ, котораго она хотѣла убить, возбуждалъ въ ней странные чувства: боязнь, сожалѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ—состраданіе.

— Прости мнѣ поступокъ мой, — говорила она: — я тогда не знала, что дѣлала... я защищалась!.. Если хочешь мнѣ отомстить, бери мечъ и убей меня... только такъ, чтобъ не мучиться... Но прости и братьямъ моимъ и всѣмъ моимъ родственникамъ... Смерти я не боюсь! Вмѣстѣ съ духами буду я странствовать по вѣчно зеленымъ лѣсамъ и лугамъ...

Доманъ пожалъ плечами.

— Дива!—сказалъ онъ. — Неужели-жъ ты думаешь, что я въ состоянiи поднять на тебя руку, я — готовый вторично рѣшиться силою увести тебя, увести хотя-бы изъ храма Нюлы, хотя-бы мнѣ снова нанесены были раны, но только-бы обладать тобою!

Дива покраснѣла.

— Это невозможно,—проговорила она тихимъ голосомъ,—это невозможно...

— Мнѣ жаль тебя,—продолжалъ Доманъ:—другой я любить не могу. Знаешь, я подкрадывался къ вашему дому, старался увидѣть твою сестру... Я ее видѣлъ, когда она выходила на дворъ хлопотать по хозяйству; она, безспорно, красива, мила, но такими наполненъ свѣтъ... Я такихъ не хочу!

Пока Доманъ говорилъ, Дива все время смотрѣла ему въ глаза, бессознательно повторяя:

— Нѣтъ, невозможно! Этому не бывать!

Онъ продолжалъ напѣсывать Дивѣ свои тихія жалобы; она дѣлала видъ, что и слушаетъ его не хочетъ, въ сердцѣ-же ея произошла странная, непонятная перемена. Что-то влекло красавицу къ этому человѣку, быть можетъ, именно то, что она едва его не убила. Она и сама не знала, что съ нею дѣлалось, кромѣ развѣ того, что инстинктивно она боялась мести ревнивыхъ духовъ.

Несмотря, однако, на такую опасность, что-то продолжало тянуть ее къ Доману; приковывали къ нему Диву и сѣрые выразительные глаза его, и ласковый голосъ, и та доброта, ради которой онъ давно ужъ оставилъ мысль отомстить ей или ея братьямъ.

Дива краснѣла, опускала глаза... Она охотно-бы убѣжала и въ то-же время чувствовала, что сдѣлать не въ состоянiи. Она стояла какъ пригвожденная къ землѣ — вся подъ влиянiемъ взоровъ Домана. Ею овладѣлъ страхъ; бѣдная не могла даже говорить.

— Прошу, уходи отсюда, оставь меня,—проговорила она наконецъ съ трудомъ,—уйди и не возвращайся!

— А если-бы я вернулся?—спросилъ Доманъ.

Дива смотрѣла внизъ и не отвѣчала.

— Ты-же сама говорила,—прибавилъ онъ,—что я имѣю право отнять у тебя жизнь... Да, я-бы могъ отомстить тебѣ, братьямъ

твоимъ, твоему роду, — однако возможностью этой я не воспользовался!

— Убей меня! — повторила Дива. — Жаль было бы погубить такое очаровательное создание, — отвѣтилъ Доманъ, улыбаясь. — нѣтъ, нѣтъ! Но, если когда-либо я вернусь сюда, если попрошу хоть взглянуть на тебя — позволять-ли мнѣ?..

Дива вздрогнула, вскакивала, покраснѣла, закрыла лицо платкомъ и вмѣстѣ убѣжала къ священному огню. Долгимъ взглядомъ провожалъ ее Доманъ, долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, словно не въ силахъ былъ двинуться; наконецъ, повернулся и пошелъ бродить по острову.

Старуха, сторожившая главный храмовой входъ, указала Доману, гдѣ живетъ Визунъ. Старикъ сидѣлъ у дверей своей хижины и кормилъ голубей, которые то кружились вокругъ него, то спускались на землю. Увидя приближавшагося къ нему Домана, старикъ съ раскрытыми объятіями подбѣжалъ къ нему.

— Такъ я и зналъ! — воскликнулъ онъ съ радостью. — Не погибъ ты отъ женской руки!

Доманъ смѣясь, растегнулъ рубаху и показалъ на груди широкую, еще не зажившую рану.

— А, проклятая волчиха! — сказалъ старикъ, обнимая Домана. — Сколько у нея силы! А знаешь, она вѣдь здѣсь? Что-жъ, отомстить ей хочешь?

— Я ее видѣлъ, — отвѣтилъ Доманъ: — говорилъ даже съ нею; омести-же я и не думаю. Я Диву люблю до сихъ поръ, пресмотря на то, что она меня знать не хочетъ. Она говоритъ, что принесла себя въ жертву духамъ.

— Найдешь другую, объятый забудешь... Взять ее силой отсюда нельзя, — продолжалъ Визунъ. — Всѣ онѣ на одинъ покрой: цвѣтутъ пока молоды, а состарятся — по шипамъ только и вспомнишь о цвѣтѣхъ. Избери другую... Женщина, конечно, нужна, безъ женщины человѣку обойтись невозможно.

— Отецъ мой, — отвѣтилъ Доманъ, — не сердись на меня, другія женщины мнѣ не нравятся.

— Попробуй сперва, — убѣждалъ Визунъ: — тамъ увидишь! Молодежь вѣчно востается со страстью, не зная, какъ скоро она

исчезаетъ... Ты до тѣхъ поръ объ этой не перестанешь думать, пока не подвернется тебѣ другая!..

Какъ ни оспаривалъ Доманъ подобные доводы, старикъ стоялъ на своемъ. Наконецъ, послѣ цѣлаго дня бесѣды, прогулокъ по острову, они обнялись и разстались. Доманъ сѣлъ въ лодку, чтобъ переправиться на другой берегъ. Тамъ онъ засталъ стараго Мирша, на прежнемъ мѣстѣ, подъ деревомъ.

Миршъ, замѣтивъ выходившаго на берегъ изъ лодки Домана, удивился его возвращенію. Доманъ подошелъ къ нему.

— Эй, старикъ, — обратился Доманъ къ Миршу: — нельзя-ли тѣмъ подкрѣпить свои силы и переночевать у тебя?

— Какъ отказать?—сказалъ старикъ.—Хотя-бы ты и не былъ кметомъ или жупаномъ, хижина вѣдь для того, чтобы гостей принимать... Пойдемъ.

И оба вошли въ избу.

Какъ-разъ въ это время собирали ужинъ и дочь Мирши—Миля высматривала въ окно, не идетъ-ли отецъ. Доманъ увидѣлъ передъ собою такую красавицу, что просто не могъ оторвать глазъ отъ нея. Миля была дѣвушка избалованная; она любила наряды, рѣдко занималась хозяйствомъ — развѣ по необходимости; все ея занятіе ограничивалось вышиваньемъ полотенецъ красными нитками, да изрѣдка прялкою. Дѣвушка знала о томъ, что хороша собою.

Взгляды Домана и Миршовой дочери встрѣтились. Какъ-то оно такъ случилось, что оба одновременно покраснѣли. Милю понравился красавецъ жупанъ или кметъ, а ему подумалось, что Миля замѣчательно хороша собою—и не ей-ли суждено, какъ хотѣлось Визуну, излѣчить Домана отъ его страсти?

Доманъ и Миршъ вошли въ хижину. Столъ, покрытый бѣлыми полотенцами, занималъ середину покоя. Миля прислуживала сама; она приносила миски и кружки и каждый разъ, какъ входила, не могла удержаться, чтобъ изподтишка не взглянуть на гостя. Этотъ тоже въ долгу не остался. Разъ даже Миля улыбнулась, показавъ изъ-за полуоткрытыхъ пунцовыхъ губокъ два ряда бѣлыхъ зубовъ. Миля всегда и въ будни была разряжена; на пальцахъ у нея блестѣли серебряныя кольца, нѣкоторые украшенные дорогими камнями; платье было застѣгнуто красивою пуговицею, въ ушахъ

кольца, въ волосахъ булавки, на головѣ вѣнать, въ глазахъ счастье и веселье—вотъ украшенія Миля.

— Встрѣтся я съ нею раньше,—думать про себя Доманъ:—можетъ быть, и рѣшился-бы взять ее въ жены.

Ужиная, мужичины оживленно болтали. Когда ужъ не надо было ни кушанья приносить, ни убирать со стола, молоденькая хозяйка ушла въ смежный покой и оттуда, стоя у полуоткрытой двери, на случай отецъ позоветъ, любовалась на молодого гостя.

— Эхъ, взялъ-бы ты меня,—говорили ей шаловливые глазки:—я-бы не противилась долго!..

Совершенно уже стемнѣло, когда Доманъ отправился въ сарай, гдѣ для него была приготовлена постель. Миршъ позвалъ къ себѣ дочь и пригрозилъ ей:

— Эй, ты стрекоза, — что тебѣ вздумалось улыбаться эдакимъ людямъ! Онъ не изъ тѣхъ, что горшки лѣпятъ, а изъ тѣхъ, что ихъ бьютъ... Тебѣ онъ не пара...

— Да я не глядѣла на него.

— Неправда; только все-же онъ не для тебя. Такихъ, какъ ты, дома-то у него почитай шесть на выборъ; или захотѣлось седьмою быть?

Миля нахмурилась. Отецъ прибавилъ:

— А завтра утромъ, какъ будетъ онъ уѣзжать, смотри, чтобъ тебя здѣсь не было, слышишь.

На слѣдующій день Доманъ всталъ очень рано; лошади стояли на-готовѣ; онъ присѣлъ на скамью.

— Что-то не хочется ѣхать... Жара будетъ сегодня!..

— Подожди осени, дождешься ненастья,—возразилъ Миршъ:—я-же тебѣ не гоню?..

Не отвѣтивъ ни словомъ, Доманъ медленно подошелъ къ водѣ. Лодки стояли у берега... Словно въ раздумьи сѣлъ онъ въ лодку и поѣхалъ на Лединцу.

Миля замѣтила, когда Доманъ вышелъ. Она подбѣжала къ забору и смотрѣла въ щель на уходящего гостя. Отецъ, наблюдавший за дочерью, разсердился, но промолчалъ... Лодка была уже далеко...

Въ храмѣ Ніолы сидѣла Дива у священнаго пламени... Отъ него, казалось, не могъ оторваться томный взглядъ ея глазъ...

Кромѣ того она ничего не видѣла... Между тѣмъ, храмъ былъ полонъ... Глухой гулъ раздавался подѣ его сводами... Старый гусляръ ворожилъ, принимая пожертвованія... Съдовласая знахарка раздавала травы.

Занавѣсь приподнялся... Доманъ стоялъ передъ Дивою. Вся покраснѣвъ, она отвернула голову и еще пристальнѣе стала смотрѣть на огонь. Доманъ не двигался: онъ разсматривалъ обстановку, окружавшую Диву.

По прошествіи нѣкотораго времени Дивѣ пришло на умъ, что ей непремѣнно слѣдуетъ еще разъ подтвердить Доману о томъ, чтобы онъ больше не возвращался. Поднявшись съ мѣста, она вышла изъ храма. Доманъ послѣдовалъ за нею, и они встрѣтились въ уединенномъ мѣстѣ, между оградами храма. Кругомъ никого не было... Внезапно Доманъ обхватилъ ее сильными руками и крѣпко поцѣловалъ въ лицо и губы. Дива вскрикнула, набросивъ на лицо покрывало... Когда она рѣшилась поднять его — Домана уже не было.

Онъ убѣждалъ. Раздраженная дѣвушка поспѣшила вернуться въ храмъ, чтобы сейчасъ-же вымыть лицо священной водою, но поцѣлуй горѣлъ на ея губахъ, несмотря ни на что... Чѣмъ крѣпче она вытиралась, тѣмъ сильнѣе сказывалось жгучее ощущеніе!.. Слезы брызнули у нея изъ глазъ...

Дива бросила взглядъ на мрачный истуканъ богини Ніолы... Красные глаза его сердито уставились на дѣвушку... Казалось, они обѣщали ей мѣсть за поруганные обѣты... Огонь въ священномъ кострѣ еле мерцалъ. Дива подбросила дровъ... Посторонние начали выходить изъ храма, напѣвая пѣсню о Ладѣ и Ніолѣ..

Вслѣдъ за другими вышла изъ храма и Дива, вполне безотчетно начала она пѣть... Пѣла она какую-то пѣсню, слышанную ею еще въ дѣтствѣ.

Доманъ, между тѣмъ, бродилъ по острову... Онъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать съ собою, куда идти — домой-ли, къ Миршун-ли, или здѣсь оставаться... Ему было какъ-то не по себѣ...

Неожиданно встрѣтился съ нимъ Визунъ.

— Ты еще здѣсь? — спросилъ послѣдній.

— И самъ не знаю, какъ я опять попалъ на островъ, — отвѣтилъ Доманъ.

— Гдѣ же ты почеваль?

— У гончара, у котораго дочь красавица!..

— Такъ и бери ее, а за нашей, что даромъ ухаживать-то! Она вѣдь тебя отвергла!..

— Кто ихъ тамъ разбереть... А какъ и новая вдругъ не захочетъ?..

— Дочь гончара-то не захочетъ имѣть мужемъ жупана? — улынулся Визунъ. — Однако ужъ вечеръ, возвращайся къ Миршу... Такъ оно хорошо и выйдетъ!..

Доманъ звѣнулъ, выказалъ-было нерѣшительность, но махнулъ рукою и направился къ лодкѣ. Сидя въ лодкѣ, онъ думалъ:

— Старикъ знаетъ, что надо дѣлать. Лучше сразу ужъ... что толку-то эдакъ мучиться...

Миршъ, какъ всегда, отдыхалъ подъ любимымъ деревомъ.

— За весь день только и было пищи у меня во рту, что древесные листья, — сказалъ Доманъ Миршу, здороваясь съ нимъ. — Голоденъ, какъ собака. Сжался надо мной и сегодня, я тебѣ дамъ медвѣжью шкуру... Будешь на ней отдыхать, словно князь!..

— Шкуру оставь себѣ, сѣно лучше вашихъ шкуръ, — отвѣтилъ старикъ: — а въ хату зайти — милости просимъ!

При этихъ словахъ старикъ указалъ рукою по направленію къ жилищу.

Миля уже давно, еще когда Доманъ плылъ въ лодкѣ, узнала его... Она радостно захлопала въ ладоши, привела въ порядокъ свою одежду, пригладила волосы — все это съ цѣлю привлечь на себя вниманіе Домана.

— Отецъ говоритъ, что у него цѣлыхъ шесть женщинъ, — разсуждала она про себя. — Такъ что-жъ? Я заставлю его меня лучше всѣхъ полюбить. Выгоню всѣхъ. Развѣ Не молода я? Или не красива?.. Эй, верхомъ на лошади, въ черномъ колпачкѣ, съ цѣпочками на груди и на плечахъ — это я, жупанова жена! Кланяйтесь своей госпожѣ!

Она воѣжала въ свѣтицу — еще никого не было... Снова вернулась къ себѣ...

— Ахъ, какъ я на него взгляну, какъ взгляну!.. Онъ долженъ будетъ взять меня за себя! Эй цвѣтки, мои цвѣтки!.. Быль-бы у

меня любяиковъ пить, я бы ему непременно дала напиться... Онъ-бы и сна лишился, ѣсть пересталъ, обо мнѣ думаячи!..

Она еще не кончила этихъ словъ, какъ тутъ-же послышалось пѣніе... Миля поспѣшила къ окну... По дорогѣ отъ озера плелась Яруха, вѣдунья, знавшая всѣ приворотныя травы...

Миля выбѣжала на встрѣчу старухѣ и начала звать ее къ себѣ.

— Э, э!—смѣялась старуха.—Вотъ оно счастье какое, что понадобилась я такой красавицѣ!

Яруха присѣла къ забору. Миля зардѣлась, закрывая лицо передникомъ.

— Дорогая Яруха,—шенила она вѣдунѣ:—ты все вѣдь знаешь, правда?..

— Ой, ой! Какъ не знать?—отвѣчала старуха, пристально всматриваясь въ красавицу.—Голубка ты моя! Все я знаю, даже и то, что хочется тебѣ сильно красавца-парня!

Миля цуще зардѣлась и, наклонившись къ Ярухѣ, шенила ей на ухо:

— Дай любчика!.. Что хочешь тебѣ отдамъ...

— Тебѣ-то!—смѣялась старуха.—Да, ты сама любчикъ... Кто-бы не захотѣлъ тебя полюбить, будь онъ хоть князь!.. Развѣ слѣпой?..

— Дай мнѣ, дай что прошу у тебя!—повторяла Миля, отрывая серебряную пуговку отъ рубашки и суя ее въ руку старухѣ. Яруха стала развязывать узелъ свой и перебирать травы, которыя всегда были у ней. Миля, дрожа всѣмъ тѣломъ, робко оглядываясь по сторонамъ, съ нетерпѣніемъ ждала.

Какую-то высохшую траву Яруха подала дѣвушкѣ.

— Сдѣлай изъ этого порошокъ и дай ему въ чемъ-нибудь его выпить, а какъ станетъ пить, то смотри ему прямо въ глаза, да не смѣй моргать! Разъ сморгнешь—все пропадетъ...

Добившись желаемого, Миля скрылась... Едва успѣла она вбѣжать въ хату и бросить наскоро измельченную траву въ чарку, предназначавшуюся для гостя, какъ Миршъ и Доманъ вошли въ свѣтлицу.

Отецъ велѣлъ подать ужинъ—Миля немедленно исполнила его приказаніе. Доманъ не говорилъ ни слова; онъ сидѣлъ у стола,

подперевъ голову рукою... Хозяинъ налилъ меду въ одну изъ чарокъ...

Миля думала про себя:

— Пускай отецъ сердится! Хотя-бы и ударилъ, такъ что-жь?.. — Она подбѣжала къ столу, взяла въ руки другую чарку, налила въ нее меду и поднесла Доману, смотря ему прямо въ глаза. Доманъ принялъ изъ ея рукъ чарку и началъ пить... Миля, не моргнувъ, уставилась на него, не обращая вниманія на знаки отца.

Доманъ залпомъ выпить медъ.

Миля покраснѣла, какъ вишня, и выбѣжала изъ свѣтлицы.

— Теперь ужъ онъ мой, мой,—кричала она и едва не забила въ ладоши.—Яруха все знаетъ!..

Въ этотъ вечеръ старый Миршъ не былъ расположенъ къ болтовнѣ... Оба — хозяинъ и гость — молчали...

Вечеромъ разразилась страшная буря, дождь полилъ, какъ изъ ведра, громъ грохоталъ безъ умолку, молніи одна за другою падали въ озеро. Доманъ отправился отдыхать въ сарай. До полуночи бушевали стихіи, а люди, несмотря на грозу, спали крѣпчайшимъ сномъ.

У небольшого окошечка хаты кто-то остановился: кто-то другой открылъ изнутри ставню... Двое этихъ людей тихо бесѣдовали, но сильный вѣтеръ не пропускалъ ни единого слова за предѣлы окошка и ставни... Долго шептались бесѣдовавшіе, почти до самого утра; а кто знаетъ о чемъ они совѣщались и на чемъ порѣшили?..

Подъ конецъ уже проговорилъ голосъ въ окошкѣ:

— Сватовъ, нужно прислать, отца просить, иначе я не уйду изъ дому, не оставлю отца одного!

На слѣдующій день, послѣ бури, дороги стали скользкими, всюду видѣлись громадныя лужи, ручьи стремились потоками въ озеро... По небу, беспорядочными клочками, низко мчались сѣрыя тучи... На дворѣ, что называется, парило, хотя солнца и не было видно... Все предвѣщало дождь.

— Отецъ Миршъ! — обратился Доманъ къ старику: — я сегодня домой не поѣду... Дороги скользки, лошади падаютъ.

— А жди хоть до самой зимы, — отвѣчалъ старикъ: — морозъ ужъ, навѣрное, все высушитъ...

Доманъ остался у Мирша. Онъ сѣлъ надъ водою и думалъ, какъ ему быть и что дѣлать? Миля внимательно слѣдила за нимъ глазами. Миршъ сидѣлъ подъ вербою и ворчалъ что-то подъ носъ. Только вечеромъ рѣшился Доманъ подойти къ нему.

— Старикъ-отецъ, — сказалъ Доманъ: — если сватовъ моихъ не прогонишь горохомъ, я къ тебѣ вѣхъ пришлю...

— А сколько женъ у тебя? — спросилъ Миршъ.

— Ни одной.

Миршъ посмотрѣлъ на него.

— Дочь моя достойна быть женою жупана... Въ жены отдамъ, иначе — не спрашивай! Присылай сватовъ по старому обычаю...

Доманъ поклонился Миршу.

— Буду тебѣ домой, сватовъ пришлю! Быть по твоему, хозяинъ.

Доману вдругъ какъ-то легче на душѣ стало, хотя временами ему и думалось: — Эй, старый Визунъ, будетъ это лѣкарство, или ядъ? Беру не ту, о которой мечтаю, сваты не тамъ, гдѣ сердце!

Старый Миршъ указалъ рукою по направленію лѣса. Вечерѣло. Надъ лѣсомъ разгорались зарева — одно, другое... Десять со всѣхъ сторонъ. Доманъ, замѣтивъ зарева, крикнуть:

— Огни! На войну созываютъ людей!

Люди его, столпившись, кричали:

— Война! Война!

Начали суетиться, а Доманъ тихонько пробрался во дворъ и постучалъ въ маленькое оконце.

— Красавица, дорогая! Прощай, голубка! Огни на горахъ зажгли; я долженъ идти воевать. Когда вернусь — сватовъ пришлю. Я ужъ просилъ отца — ты будешь моею!

Смѣхъ или плачъ былъ отвѣтомъ на эти слова — можетъ, то и другое?

— О, соколъ мой ясный! Возвращайся скорѣе, цѣлъ и невредимъ! Здѣсь я буду сидѣть, на небо буду глядѣть и плакать, пока не вернешься, пока не увижу сватовъ.

— Въ дорогу! — крикнулъ Доманъ своимъ людямъ. Прощай, хозяинъ, благодаримъ тебя; не время отдыхать, когда горятъ огни. Прощайте всѣ!

Они уѣхали. Долго еще издали доносился лошадиный топотъ; Миршъ смотрѣлъ на небо, на зарево. Миля плакала, отирая фартукомъ слезы. Сквозь нихъ, однако, свѣтила улыбка, а сердце такъ крѣпко, крѣпко билось...

— Онъ вернется! Сваты прѣдутъ! Онъ будетъ моимъ, онъ долженъ моимъ быть!

XXI.

На башнѣ стояла княгиня, зорко слѣдя за всѣмъ происходившимъ въ окрестности... Это было въ тотъ самый вечеръ, когда огни зажглись на холмахъ... Солнце ужъ сѣло, оставивъ на небѣ красное зарево... Лѣса и долины уснули.

Князь находился тутъ-же: разсѣянно смотрѣлъ онъ на часовыхъ, стоявшихъ на насыпи, на городъ, расположившійся у подошвы башни, на смердовъ, обучавшихъ княжескую дружину, на озеро, отражавшее зарево... Кругомъ было тихо...

Рядомъ съ княжеской четой виднѣлись двое юношей почти одинаковаго роста; достаточно было на нихъ взглянуть, чтобъ убѣдиться, что это пришельцы изъ чужой страны. Тончайшаго сукна одежда, тяжелые, кожаные сапоги, длинные мечи— все обличало иноземное происхожденіе. Они были очень молоды, но молодость страстнымъ огнемъ горѣла у нихъ въ глазахъ: свирѣпыми, дикими казались они. Сейчасъ-же видно было воиновъ, но воиновъ, исключительно алчущихъ крови и добычи.

Прибыли они раннимъ утромъ, какъ-разъ въ то время, когда княжескіе слуги закладывали ворота бревнами и камнями. Сперва не хотѣли ихъ и впускать. Но, когда старшій Смердъ вышелъ къ нимъ и началъ внимательно всматриваться въ неожиданныхъ гостей, то вдругъ просіялъ отъ радости. Онъ поспѣшно повелъ ихъ въ свѣтлицу. Князь, какъ всегда, лежалъ на скамьѣ; всю ночь, на-пролетъ, ни на минуту не могъ онъ заснуть. Все видѣнное и слышанное имъ у Пяста тревожило его не на шутку. Князь нехотя приподнялся, что-то ворча себѣ подъ носъ; юноши пали къ ногамъ отца; тотъ испугался, всплеснулъ руками...

— Кто васъ прислалъ сюда!.. Въ такой часъ?—воскликнулъ онъ.

Они не успѣли еще отвѣтить, какъ дверь широко распахнулась, и въ свѣтлицу вбѣжала княгиня... Она плакала отъ избытка чувствъ...

— Дѣти, дѣти мои! Зачѣмъ вы сюда прибыли!..

Сыновья въ недоумѣніи переглянулись.

— Скучно стало намъ жить безъ васъ—проговорилъ, наконецъ, старшій:—дѣдъ отпустилъ насъ, мы сѣли на лошадей и, не останавливаясь ни днемъ, ни ночью, по дебрямъ, лугамъ и окольнымъ дорогамъ, добрались сюда, чтобы пасть къ вашимъ ногамъ...

— А здѣсь война!—вскричала княгиня.—О! Дѣти мои, что теперь будетъ съ вами... Хотя вы бы остались живы!.. Народъ возсталъ... Буря близится...—горевала княгиня; Хвостекъ ворчалъ:

— Не посмѣютъ!.. Пошумятъ, покричатъ, да ко мнѣ-жъ и придутъ—ну, и будетъ согласіе!.. А потомъ тѣхъ, что первые подняли шумъ... Хвостекъ выразительно указалъ на деревья, прибавивъ:

— На дубы!

Въ княжескихъ хоромахъ веселье мѣшалось съ печалью. Всѣ ежеминутно опасались нападенія. Едва у кого на губахъ появлялась улыбка, какъ страхъ мгновенно сгонялъ ее прочь. Слуги, посланные разузнать, что дѣлается за стѣнами замка, понурые возвращались къ своему господину.

— Что новаго?—спрашивалъ Хвостекъ.

— Что видѣли?—обращалась княгиня.

Смерды неизмѣнно каждый разъ отвѣчали:

— Только и слышны однѣ угрозы... Всюду къ войнѣ готовится. Собираются кметы, совѣщаются, а Мышки бѣгаютъ отъ одной хижины къ другой...

Около полудня вернулся другой посланецъ и повторилъ то-же самое; вернувшійся вечеромъ объявилъ, что ночью зажгутъ огни на холмахъ. Хвостекъ взбѣсился и принесшаго эту вѣсть велѣлъ бросить въ темницу.

— Вреть онъ, кметы его подкупили... Не посмѣютъ они огней зажечь... А сдѣлаютъ это—велю и я разложить на башнѣ костеръ, потому-что я ихъ не боюсь!

Княгиня упала къ ногамъ своего мужа.

— Господинъ мой, князь милостивый! — умоляла она. — Отошли дѣтей назадъ, пусть уѣзжаютъ... Дать имъ лодку... Пусть уходятъ скорѣе... Пусть ѣдутъ къ дѣду... Кто знаетъ, что здѣсь случится!..

Рыдая, она молила князя. Хвостекъ хмурился. Отѣздъ сыновей отложили до вечера.

Всѣ стояли на башнѣ и ждали минуты, когда окрестность озарится зловѣщими огнями. Хвостковы сыновья, между тѣмъ, шептались.

— Пусть будетъ война! — промолвилъ одинъ изъ нихъ. — Попросимъ отца и мать, они насъ оставятъ и досыта напьемся мы крови кметовъ... Мы имъ покажемъ, какъ у саксонцевъ сражаться умѣютъ!

Мракъ, между тѣмъ, все гуще окутывалъ окрестные лѣсъ и озеро. Хвостекъ повторялъ безпрестанно:

— Плюгавая чернь!.. Не посмѣютъ!..

Вдругъ вспыхнуло небо: на немъ показалось словно кровавое пятно... Вскорѣ оно исчезло... Взамѣнъ показался столбъ красного дыма, а вскорѣ и желтое пламя высоко запылало. То кметы зажгли свой первый костеръ...

Княгиня вздрогнула и закрыла глаза руками.

— Это просто пастушескій костеръ, — сказалъ князь, засмѣявшись. Но сыновья въ ту-же минуту крикнули:

— О! Еще одинъ, другой, третій...

На холмахъ и пригоркахъ одинъ за другимъ появлялись огни; красное зарево охватило все небо. Окрестность казалась залитою огнями. Хвостекъ сердито приказалъ:

— Зажечь костеръ! Пусть знаютъ, что я ихъ не испугался...

На вершинѣ башни лежала заранѣе приготовленная куча лучины и сухого дерева; слуги подпалили ее. Хвостекъ улыбался. Княгиня молчала; потомъ, сдѣлавъ рукою знакъ сыновьямъ, она начала спускаться внизъ. Тѣ слѣдовали за нею.

Хвостекъ еще разъ бросилъ взглядъ на окрестность, плюнулъ съ башни, словно-бы на весь міръ и тоже началъ спускаться.

Въ горницѣ Брунгильда прохаживалась большими шагами взадъ и впередъ.

— Дѣти не могутъ, не должны оставаться здѣсь... — говорила она.

Хвостекъ какъ-разъ въ это время входилъ въ избу.

— Отчего-бъ имъ и не остаться?—спросилъ онъ. — Хочется развѣ тебѣ, чтобъ попали они въ руки проклятой черни, убили чтобъ ихъ? Нѣтъ, они здѣсь болѣе безопасны, чѣмъ за стѣнами замка!

Сыновья припали къ материнскимъ ногамъ, прося позволенія остаться.

Разсердившись, княгиня топнула ногою.

— Нѣтъ,—сказала она:—нѣтъ; еще сегодня спрашивала я у ворожей, глядѣла на небо — все предвѣщаетъ близость опасности... Никто не хотѣлъ вѣрить, что кметы сегодня зажгутъ огни, а вотъ-же зажгли ихъ... Оправдается и все остальное... Я больше знаю... Мы погибнемъ! Пусть-же они остаются живы, чтобъ было кому отомстить кметамъ...

Хвостекъ бѣсился, княгиня выходила изъ себя—они чуть-было не подрались; князь, впрочемъ, отступилъ первый, опустилъ голову и проворчалъ сквозъ зубы:

— Будь что будетъ!

Княгиня велѣла сыновьямъ снаряжаться въ дорогу. Мухѣ приказано было готовить лодку. Молодымъ людямъ пришлось смѣнить княжескую одежду на простую сермягу, а мечъ спрятать подъ нею. Оба горько плакали... Но рѣшимость матери была непреклонна; волей-неволей, приходилось повиноваться.

Хвостекъ молча прижалъ сыновей къ груди.

— Пусть хоть до завтра побудутъ...—проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Ни одной минуты; завтра насъ окружаютъ со всѣхъ сторонъ...

Юноши молчали. Недовольный Хвостекъ, глядя на нихъ, ворчалъ себѣ что-то подъ носъ.

Княгиня вышла и сейчасъ-же вернулась съ головою, обвязанною какимъ-то тряпьемъ, въ плащѣ изъ простого сукна, небрежно накинутаго на плечи.

— Я провожу васъ до того берега,—сказала она: — пока не сядете на коней, я буду съ вами...

Она обоихъ поцѣловала.

Хвостекъ молчалъ. Въ открытое окно повсюду виднѣлись огни.

— Видите,—проговорила Брунгильда:—это означаетъ войну... Быть можетъ, завтра она начнется... Замокъ будетъ обороняться... Возьмутъ его и домъ—останется еще башня... Одинъ, два, три мѣсяца можно прожить въ ней... Спѣшите къ дѣлу и возвращайтесь съ помощью... скорѣе...

Она перевела духъ.

— А если-бы и насъ, и башни ужъ не было... отмстите за смерть отца съ матерью... Не жалѣйте этого жалкаго, змѣйнаго племени!

Хвостекъ настаивалъ на своемъ.

— Они никогда столбъ не разрушатъ,—проговорилъ онъ.— Являйтесь съ саксонцами, осаду мы выдержимъ...

Сыновья еще разъ припали къ ногамъ родителей и, слѣдуя приказанію княгини, вышли изъ избы... Сейчасъ-же у самой башни стояла лодка. Муха съ другимъ сильнымъ мужчиною, сидѣли въ ней. Брунгильда первая заняла мѣсто, за ней вскочили и сыновья. Хвостекъ стоялъ на берегу... Лодка отчалила... Поздно вернулась княгиня... Глаза ея были заплаканы; разставаясь съ дѣтьми, она долго рыдала... Хвостекъ уже спалъ. Она-же неподвижно просидѣла до самаго утра. На слѣдующій день, послѣ первой обычной смѣны, часовой, стоявшій на башнѣ, доложилъ, что кругомъ царитъ тишина, ничего особеннаго не видно, не слышно...

Хвостекъ торжествовалъ.

— Не посмѣютъ,—твердилъ онъ:—не посмѣютъ... И слѣдующая ночь прошла спокойно. Часовой, по-прежнему, ничего не замѣтилъ. Вечеръ насталъ—тишина продолжалась. Княгиню пугало это затишье передъ бурей: Хвостекъ повторялъ: „не посмѣютъ“...

Вдругъ часовой протрубилъ разъ, другой, третій. Всѣ поднялись на ноги... Слуги повыбѣжали изъ сараевъ... Работники собрались на дворъ... Смерды засуетились... У опушки лѣса вдали что-то чернѣло; огромная, безформенная масса, медленно колыхаясь, направлялась къ замку...

— Кметы прямо на насъ идутъ!—кричали испуганные смерды. Хвостекъ и жена его испугались. Лица ихъ поблѣднѣли, стали такими-же мертвенными, какъ трупы несчастныхъ князей, которыхъ еще недавно волокли изъ той-же свѣтлицы на дворъ. Князь

велѣлъ налить себѣ меду, выпилъ и кубокъ швырнулъ далеко отъ себя.

— Эй, люди, на насыпи!—крикнулъ онъ.—Мостъ поджечь!

Въ одно мгновеніе толпа княжескихъ слугъ бросилась исполнять отданное приказаніе. Мостъ подожгли, пламя быстро его охватило, дымъ столбомъ поднялся къ небу. Башня, замокъ и всѣ строенія освѣтились зловѣщимъ свѣтомъ: казалось и самое озеро загорѣлось... Наконецъ, огонь началъ ослабѣвать, и вскорѣ все опять погрузилось въ непроницаемый мракъ. Подобная переменѣ нагнала на Хвостека еще большій страхъ.

Кто могъ знать, что несетъ съ собою эта страшная толпа?

Хвостъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ... Наконецъ, повидимому, жизнь снова въ немъ закипѣла—онъ крикнулъ на своихъ людей. Теперь только посыпались приказанія одно за другимъ.

Въ эту минуту по двору что-то промелькнуло, направляясь къ озеру... Маленькій человѣкъ сѣлъ въ крошечную лодку, похожую на орѣховую скорлупу... Вода разступилась, заколыхалась и лодка исчезла... Зносекъ съ остриженной головою, съ прострѣленнымъ глазомъ, лежа почти неподвижно въ своей скорлупѣ, руками разсѣкалъ воду, скользя по ея поверхности... Безъ шума, безъ плеска, онъ подвигался впередъ, точно влекомый какою-то постороннею силой. Добравшись до противоположнаго берега, онъ спряталъ лодочку въ камышахъ, выползъ на сушу и—мгновенно исчезъ.

Такъ прошла ночь. Зарумянилось небо на востокѣ, освѣтивъ землю, всю окутанную въ туманъ, словно въ саванъ... Съ насыпей ничего нельзя было различить. Но вотъ пахнуло вѣтромъ, туманъ понемногу сталъ расползаться. Сторожившіе на насыпи вдругъ увидѣли предъ собою живую стѣну: голова, тутъ-же съ ней рядомъ, другая, третья и такъ далѣе, безъ конца... Впереди всѣхъ Мышки и старшины...

Хвостекъ взомель на башню... Онъ считалъ, считалъ... не могъ сосчитать даже и маленькой части этой многоглавой стѣны...

— Пусть стоятъ... разойдутся!—думалось ему.

Куда ни глядѣлъ князь, всюду знакомыя лица: тамъ стоятъ братья тѣхъ, которые пали по его приказанію, тутъ—сыновья утопленныхъ въ озерѣ, дальше—тѣ, что съ Мышками были въ гостяхъ у него... Несмѣтная, грозная толпа неподвижна, она

только смотреть на столбъ, какъ-бы желая уничтожить его глазами.

— Пускай наглядятся вѣласть! — проворчалъ князь, и спустился съ лѣстницы.

У подошвы башни пьяные смерды разставляли людей, стараясь ихъ ободрить:

— Это грубая чернь, а не воины, всё они трусы... Плугъ-бы имъ въ руки, вмѣсто оружія...

Брунгильда вышла изъ свѣтлицы, оглядѣлась кругомъ и закрыла лицо руками. Хвостекъ старался смѣяться, но блѣдность выдавала то, что онъ чувствовалъ.

Вокругъ замка—удивительно! ни крику, ни голоса человѣческаго не слышно! Между тѣмъ, осаждающіе хотя незамѣтно, но подвигаются все ближе и ближе впередъ... Одни несутъ на плечахъ небольшія лодки; другіе связываютъ бревна и пускаютъ ихъ на воду... Князь велѣлъ готовить пращи и луки.

Солнце взошло—все освѣтилось лучами. Теперь только слышались голоса Мышковъ:

— Вотъ тебѣ твой послѣдній день, поганый ты Хвостъ! Поклонись солнцу, простись съ нимъ, больше ужъ его не увидишь!

Между тѣмъ, князь словно и думать забылъ объ опасности. Сѣвъ на скамью, онъ осушалъ чарку за чаркою... По той сторонѣ у берега, куда только глазъ хватаетъ, выстроился цѣлый рядъ лодокъ, точно выросшихъ изъ воды; около нихъ толпились люди... Вотъ и отчаливаютъ... Лодка прикасается къ лодкѣ; одинъ рядъ слѣдуетъ за другимъ... Этотъ лѣсъ лодокъ все приближается... Немного ужъ остается до самыхъ насыпей...

Бывшіе на насыпяхъ всё поднялись... Съ обѣихъ сторонъ раздался ужасный крикъ, отъ котораго земля задрожала... Стая воронъ, испугавшись, поднялась со столба и умчалась въ пространство...

Посыпались стрѣлы. Засвистѣли въ воздухѣ камни, причиняя вредъ и той и другой сторонѣ... Полетѣли на осаждающихъ цѣлые стволы, давятъ они людей, сбрасывая ихъ въ воду, и, при каждомъ удачномъ ударѣ, на насыпи раздаются веселые возгласы.

Одинъ рядъ упалъ въ воду... На смѣну ему вырастаетъ другой... По тѣламъ мертвецовъ карабкаются живые...

— На насыпи! На насыпи!..

Смерды бѣгають, кричатъ, отдають приказанія...

Два раза осажденнымъ удалось отстоять насыпи... Третій напоръ... Кметамъ удалось подобраться къ воротамъ... Враги встрѣтились здѣсь лицомъ къ лицу.

Хвостекъ, замѣтивъ это, спустился внизъ... Онъ бросился въ свѣтлицу и вынесъ оттуда жену на рукахъ... За ними бѣжали женщины, заливаясь слезами...

— На лѣстницу! На столбъ!..

Кто что успѣлъ захватить съ собою—узлы, платье, пищу—все тащутъ на столбъ.

— На башню отборныхъ людей!

На лѣстницѣ масса карабкающихся, гнется она подъ ихъ тяжестью, а башня, словно-бы ненасытная, усердно глотаетъ всѣхъ, кому посчастливилось до нея добѣжать.

Раздался раздирающій душу крикъ... Княжескіе слуги съ насыпей бѣгутъ во дворъ... Кметы уже на насыпи... Трупы всюду: по берегу, на дворѣ, озеро ими покрыто...

Кто еще живъ, бросается къ лѣстницѣ... Но ее потянули вверхъ, внутрь башни... Двери захлопнулись...

Мышки заняли дворъ и замокъ... Кто попадался съ оружіемъ въ рукахъ, того лишали жизни; кто-же его бросалъ, того миловали, связывая по рукамъ и ногамъ... Кметы разбѣжались по двору, заглядывали во всѣ избы, искали, хотѣли найти враговъ—но вездѣ уже было пусто, нигдѣ ни живой души...

Княгиня оставила таки, на всякій случай, въ свѣтлицѣ желтый горшокъ съ медомъ, подправленнымъ ядомъ, но Мышко, первый взшедшій туда, замѣтивъ горшокъ, бросилъ его на землю...

Побѣдители ликовали.

Они бросали вверхъ колпаки, оглашая воздухъ криками:

— Ладо!.. Да здравствуютъ Мышки!.. Смерть Хвосту!..

Всѣ обратили теперь вниманіе на башню. Никакъ нельзя къ ней подойти: кто подступитъ — неминуемо гибнетъ... Кметы, дѣлать нечего, отошли отъ столба.

Кто-то бросилъ зажженную лучину въ сарай, другой поджегъ и свѣтлицу... Огонь вспыхнулъ, замокъ горитъ!

— Да не останется камень на камнѣ, до послѣдней щепки разрушимъ... Уничтожимъ Пепелковъ родъ!..

— Мышки велѣли трубить сборъ; затѣмъ отдали приказаніе расположиться для отдыха посрединѣ двора... Пускай горятъ дома, сараи и все до послѣдней клѣти!

На первый день и такъ много работы; что-же касается столба—о немъ будетъ время и завтра подумать!

Мышки со старшими удалились держать совѣтъ на пригорокъ, неподалеку отъ столба. Здѣсь глазамъ ихъ представилось ужасное зрѣлище.

Не глубоко зарытые въ землю трупы дядей и племянниковъ князя лежали на землѣ полусгнившіе... Тутъ-же валялись остатки собакъ, вырывшихъ ихъ изъ земли и отравившихся пропитанными ядомъ тѣлами... Покойники выглядѣли страшнѣе смерти, опозоренные, смѣшанные въ одну кучу съ дохлыми псами... Мышки невольно вздрогнули...

— Послѣдній изъ рода своихъ-же убилъ!—сказалъ Мышко.— Онъ самъ хотѣлъ, чтобы послѣ него никто не остался, кромѣ старика Милоша и ослѣпленнаго Лешка...

— И двухъ его сыновей, что живутъ у нѣмцевъ!—прибавилъ другой...

— Пусть-же несчастнымъ погибшимъ пламя этого дома послужитъ почетнымъ костромъ!—сказалъ Мышко.

По его приказанію слуги собрали останки княжескихъ родственниковъ и бросили ихъ въ самый большой огонь, чтобы души страдальцевъ могли добраться до праотцевъ съ жалобой на изверга князя.

Хвостекъ съ башни своей видѣлъ процессію погребенія тѣлъ его жертвъ. Впереди несли останки Мстивоя и Забоя, затѣмъ ихъ сыновей; когда дошли до того мѣста, гдѣ прежде была свѣтлица, слуги собрали въ одну кучу горящіе уголья, подбавили горячаго матеріала и уложили покойниковъ всѣхъ въ одинъ рядъ.

Пламя сейчасъ-же охватило принесенныя ему жертвы. Мышки стояли тутъ-же, слѣдя за обрядомъ сожженія. Синеватые огоньки, мелькавшіе надъ тѣлами, представлялись духомъ покойныхъ, выпущеннымъ на свободу...

Только вечеромъ сталъ пожаръ уменьшаться. Кметы расположились на городищѣ, вблизи столба и отдыхали...

Мышки усѣлись со старшими.

— Что намъ дѣлать теперь со столбомъ и тѣми, что въ немъ находятся? Огонь ихъ не уничтожить, потому-что камень устоитъ противъ огня; топоромъ и молотомъ не разбить толстыхъ стѣнъ; взлетѣть на башню въ состояніи лишь только птицы; подкопъ не поможетъ — стѣны глубоко засѣли въ землю... а, говорятъ, подъ землю ихъ столько-же, сколько и надъ нею?

— Голодомъ только, не теряя людей понапрасну, — сказалъ Кровавая-Шея:—голодомъ заставимъ ихъ сдаться. Расположимъ всѣхъ нашихъ вокругъ столба; если запасовъ въ немъ хватитъ на мѣсяцъ—мы простоямъ два; два мѣсяца—простоямъ дольше... Будемъ ждать, пока всѣ не помрутъ до единого... Чѣмъ ихъ тамъ больше собралось, тѣмъ скорѣе голодъ наступитъ... Половина нашихъ пускай идетъ домой, другой половины хватитъ, чтобы воспрепятствовать заключеннымъ выбраться на свободу.

Этому совѣту рѣшено было послѣдовать. Часть кметовъ разбрелась по домамъ, другая—осталась на городищѣ. Мышки собирались ужинать, когда изъ сосѣдняго лѣса выѣхало нѣсколько всадниковъ и не торопясь направились къ отдыхающимъ. Во главѣ виднѣлся Бумиръ съ друзьями—люди стоящіе горою за Лешковъ, какъ члены одного рода. Они, подобно Милошу съ семейю, не хотѣли держать руку кметовъ. Подѣхавъ, Бумиръ не слѣзъ съ лошади и не поклонился старшинамъ. Онъ обратился къ Мышко:

— Обратитъ въ пепелъ княжескій замокъ не мудрено, — а гдѣ-же самъ князь?..

Засмѣявшись, указалъ Мышко на башню: Бумиръ тряхнулъ головою.

— Этимъ всѣхъ Лешковъ все равно не стереть съ лица земли, — отвѣчалъ онъ:—все-же насъ довольно останется!.. Чего вы хотите отъ насъ?

— Отъ васъ? Чтобъ вы смирно сидѣли... а не правили нами, — усмѣхнулся Мышко.

— Не старая-ли волчья свобода засѣла у васъ въ головахъ? А нѣмцы ужъ не далеко... Одного князя свергнете — на-смѣну посадите другого! Не такъ-ли?

— Быть можетъ, но не изъ вашихъ!—возразилъ Мышко.— Не изъ той крови, которая хотѣла нами, какъ скотиной бездушной обрабатывать землю... Нѣтъ!.. Князя себѣ мы найдемъ...

Бумирь посмотрѣлъ на башню.

— Приступомъ думаете столбъ-то взять?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ... — коротко отвѣтилъ Мышко: — мы до тѣхъ поръ не тронемся съ мѣста, пока они всѣ тамъ не сдохнутъ съ голоду.

Бумирь долго не отвѣчалъ, опустивъ на грудь голову.

— Лишь-бы нѣмцы раньше того не пришли и не освободили ихъ,—замѣтилъ онъ, наконецъ.—Тогда и виноватому и невинному—всѣмъ достанется... И мой домъ обратится въ пепелъ, людей въ плѣнъ возьмутъ...

Мышки засмѣялись...

— А развѣ-жъ мы безоружны?—сказалъ младшій, по прозванію Бѣлый.

— У саксонцевъ желѣза много: въ желѣзо закованы и стрѣлы желѣзныя, — продолжалъ Бумирь. — Десятка саксонцевъ на сотню вашихъ довольно...

— Но за то ихъ сотни не придетъ изъ-за Лабы, — говорилъ старшій.

— Нѣтъ, конечно, — отвѣтилъ Бумирь: — но пришедшіе призвуть сотню иль двѣ поморцевъ, а ужъ послѣднимъ не трудно до насъ добраться...

— Ну, съ ними съумѣемъ справиться: оружіе у насъ одинаковое, владѣемъ имъ тоже не хуже, — замѣтилъ Мышко. — Такія угрозы намъ не страшны!

Всѣ замолчали. Бумирь не нашелъ, что отвѣтить. Кровавая-Шея внушительно произнесъ:

— Э... Бумирь и вы всѣ Лешки, коль хотите жить смирно, спокойно, такъ и сидите въ своихъ углахъ, а въ наши дѣла не мѣшайтесь... Не желаете противъ своихъ воевать, мы и не ставляемъ насильно... но не вызывайте волка изъ лѣса!.. Сидите смирно!

Бумирь нахмурился.

— Я съ совѣтомъ, да съ добрымъ словомъ явился къ вамъ,—началъ онъ:—воевать съ вами мнѣ не приходится. Я только напомнилъ, что Лешковъ и ихъ потомковъ пока еще много... Сегодня

вы сильны, завтра мы можемъ оказаться сильнѣе... Земля у насъ общая, не лучше-ли миръ да согласіе, а не рѣзня на радость врагамъ!..

— Мы васъ не тревожимъ, живите себѣ въ покоѣ!—сказалъ Кровавая-Шея.—Чего-же вамъ больше надо?

— Такъ отпустите и того, котораго хотите заморить голодомъ,—сказалъ Бумиръ, снова взглянувъ на башню.

Мышко захохоталъ.

— Ну, хорошо, пусть и такъ,—согласился онъ:—но подъ условіемъ, что намъ возвратятъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ нашъ добрый князь отравилъ иль убилъ...

Потомъ, указывая на рану на шеѣ:

— И мою кровь пускай мнѣ воротить!

— А развѣ вамъ еще мало мести?.. Разорить замокъ, обратить домъ въ груды пепла, перерѣзать людей—этого вамъ еще мало?

— Да развѣ пролитая кровь—его?—горячился Мышко.—Намъ нужна кровь за кровь...

Бумиръ призадумался.

— Стало быть, завтра вы то-же, что и сегодня отвѣтите намъ и всѣмъ Лешкамъ, живущимъ на нашей землѣ?..

— Да мы васъ не трогаемъ, воевать съ вами не думаемъ,—говорили другіе.—Милошъ сидитъ-же спокойно дома, сынъ его тоже, да и вамъ, повидимому, живется не дурно... Власти вамъ не дадимъ... а жить вамъ никто не мѣшает!

Бумиръ замолчалъ... Въ сторонѣ столба что-то стукнуло. Хвостъ открылъ ставню въ верхнемъ окнѣ и крикнулъ:

— Эй, Бумиръ! Что это вздумалъ ты вести разговоръ съ разбойниками? Съ бѣшенымъ звѣремъ не разговариваютъ, а прямо бьютъ! Соберите людей и приходите защищать насъ... Наше дѣло—вамъ не чужое...

Мышко поднялъ голову и посмотрѣлъ на окно, откуда слышался голосъ. Лукъ лежалъ возлѣ него. Мышко взялъ его въ руки, прицѣлился, и стрѣла засвистѣла въ воздухѣ... но она вои-зилась въ деревянную ставню... Въ башнѣ раздался дикій смѣхъ... Сейчасъ-же другая стрѣла, пущенная изъ окна, пробѣжавъ съ бы-строю молніе назначенное ей пространство, съ размаху впи-

лась въ одежду Мышко. Онъ вынулъ ее и съ презрѣніемъ отбросилъ въ сторону...

— Змѣиный родъ!..—кричалъ Хвостекъ.

— Бѣшенныя собаки!—было отвѣтомъ Мышка.

— Ядовитыя змѣи!

— Подлая гадины!

— Стерво и падалъ!

— Такими словами обмѣнивались другъ съ другомъ противники.

— Бумирь!—крикнулъ наконецъ Хвостекъ осипшимъ отъ злобы голосомъ,—отправляйся домой, призови своихъ... Не дай намъ погибнуть! Смотри—доберутся и до тебя!..

Бумирь поворотилъ лошадь. Мышко не спускалъ съ него глазъ.

— Воля твоя: моего-ли, Хвостова-ль совѣта послушаться—дѣлай какъ знаешь... Скажемъ тебѣ лишь одно и въ этомъ даемъ священную клятву...

Мышко, взявъ въ руку горсть земли, поднялъ ее вверхъ.

— Даю тебѣ клятву, Бумирь, что, если ты, или твой родъ, вздумаете защищать Хвоста, если хоть одинъ изъ вашихъ подыметъ руку на насъ—мы ни единой живой души не оставимъ... Помните же объ этомъ!

Бумирь и товарищи его молчаливые еще разъ взглянули на башню, откуда доносились невнятные голоса и крики; затѣмъ, поворотили коней и уѣхали. Мышки спокойно смотрѣли имъ вслѣдъ.

Если-бы кто-нибудь вошелъ тогда внутрь башни, глазамъ его представилось-бы ужасное зрѣлище: а всего былъ второй день осады!

Въ самомъ низу, давя другъ друга, тѣснились слуги, молодые парни и рабы, которыхъ держали здѣсь для защиты. Тѣснота была страшная, мѣста мало, воздухъ спертый; челядь и слуги боялись исхода несчастной для нихъ войны и жаловались на свою судьбу, говоря, что гораздо лучше-бы сдѣлали, если-бы сразу отдались врагамъ, такъ-какъ все равно здѣсь придется погибнуть.

Смерды съ палками стояли надъ ними, приказывая смирно сидѣть, но слуги не слушались: недовольство росло съ каждымъ мгновеніемъ. Изъ колодца поминутно таскали воду; ея не успѣвали въ достаточномъ количествѣ доставать, столько было томимыхъ жаждою въ этомъ хаосѣ. Немного выше находились стрѣлки,

готовясь къ защитѣ... Здѣсь прохаживались князь и Брунгильда. Въ углу лежали медвѣжьи шкуры, служившія имъ вмѣсто ложа. Еще выше помѣщались женщины, а на самомъ верху часовые. Стоны и плачъ раздавались повсюду. Два парня умерли отъ ранъ, полученныхъ ими во время осады, одна больная женщина—отъ испуга. Съ этими тремя трупами не знали, что дѣлать... Волей, неволей пришлось выбросить ихъ изъ башни, и эти тѣла, брошенные на волю судьбы, какъ-бы служили предзнаменованіемъ того, что должно было вскорѣ произойти на столбѣ. Такая-же судьба ожидала и прочихъ.

Хвостъ, не переводя духа, проклиналъ всѣхъ и все. Брунгильда долго лежала, не говоря ни слова. Супруги не обмѣнялись ни словомъ; но всему было видно, что постигшее ихъ несчастье они взаимно приписывали другъ другу... Князь всю вину относилъ къ женѣ, она-же къ нему...

И князь, и княгиня все еще вѣрили въ возможность защиты; они надѣялись на сыновей, которые должны были вернуться съ саксонцами. Брунгильда, мало чего ожидавшая со стороны ругавшагося Хвоста, позвала Муху и съ нимъ отправилась осмотрѣть запасы. Хлѣба было достаточно, но, кромѣ двухъ старыхъ камней, у нихъ ничего не было, чѣмъ-бы можно было приготовить муку... Печь была тоже, но о печеніи хлѣба нельзя было и думать, такъ какъ дровъ было мало. Пришлось растирать зерно, дѣлать изъ него крупу, которую, размочивъ водою, и употреблять въ пищу. Но какъ прожить такимъ образомъ цѣлые мѣсяцы?!

Въ общей суматохѣ, когда всѣ бросились къ столбу, немногіе успѣли кое-что захватить съ собою. Колодезь, изъ котораго черпали воду, былъ ужъ давно запущенъ, такъ-что первыя ведра пришлось выливать вонъ. Томимые жаждою пили потомъ и эту воду, но находили въ ней больше грязи и крови, нежели воды.

Эта вооруженная толпа полуголодныхъ и полупьяныхъ людей, сидящихъ въ нижнемъ этажѣ и которую Брунгильда внимательно разглядывала, спускаясь по лѣстницѣ,—показалась ей грозною и опасною. Княгиня спросила Муху, возможно-ли удержать ихъ въ повиновеніи. Муха, задумавшись, промолчалъ. Тѣ, которые вчера еще трепетали предъ княземъ, теперь открыто ворчали, давая волю накипѣвшей горечи, долго переносимой безропотно. Брун-

гильда видѣла лишь теперь однихъ недовольныхъ, вполнѣ равнодушныхъ къ участи господъ своихъ—слугъ, едва, на данное приказаніе, поднимающихъ голову. Нѣкоторые шептались какъ-то таинственно, осматриваясь по сторонамъ.

Всѣ, въ одинъ голосъ, громко требовали питья и пищи; палочные удары смердовъ съ большимъ трудомъ, да и то не надолго водворяли порядокъ.

Брунгильда отвела въ сторону Муху и, указавъ ему на людей, сказала:

— Ртовъ слишкомъ много, а рукъ слишкомъ мало! — что дѣлать?

Они долго шептались. Хвостекъ не зналъ куда и дѣваться: то къ одному окну подойдешь, потомъ переходить къ другому, не будучи въ состояніи равнодушно смотрѣть на Мышковъ, спокойно цѣдившихъ пиво изъ бочекъ и раздававшихъ его своимъ людямъ. То Хвостекъ уляжется на постель, но тотчасъ-же встанетъ и снова подойдетъ къ окну, скрежеща зубами. При встрѣчѣ съ женою, онъ отворачивался.

Брунгильда искала совѣта у Мухи; въ свою очередь князь, истомясь молчаніемъ, призвалъ любимца — слугу и шопотомъ съ нимъ совѣщался.

Начинало уже смеркаться, когда Муха спустился внизъ, чтобы выбрать, кого послать на верхъ сторожить. Дѣйствовалъ онъ при этомъ вполнѣ произвольно. Впрочемъ, тѣ, которые оставались внизу, не сѣтовали на него; у нихъ, по-крайней-мѣрѣ, была гнилая солома, и имъ можно было на ней растянуться. Едва предназначенные въ стражу успѣли подняться на-верхъ, какъ явились двѣ служанки Брунгильды и принесли ужинъ оставшимся внизу. Это была какая-то крупа пополамъ съ водою; но голоднымъ и она показалась вкусною: въ одно мгновеніе въ мискахъ ничего не осталось. Княгиня смотрѣла въ щель, какъ они ѣли, затѣмъ съ непонятною тревогою стала слѣдить за тѣмъ, какъ они легли. Сонъ наступилъ мгновенно, захвативъ каждого на томъ мѣстѣ, гдѣ тотъ сидѣлъ. Заснули всѣ удивительно крѣпкимъ, необыкновеннымъ сномъ, между тѣмъ, по движеніямъ нѣкоторыхъ казалось, словно они всѣ силы употребляютъ, чтобы проснуться, но —

тщетно. Прошелъ часъ, другой... люди все спали, лежали не двигаясь. Гробовое молчаніе царило кругомъ.

Муха съ зажженною лучиною спустился внизъ, обошелъ спавшихъ по очереди, дотронулся рукою до каждого лица, прислушался, не слышно-ли у кого дыханія, сосчиталъ всѣхъ и вернулся на-верхъ.

Это были лишніе рты, отъ которыхъ Брунгильда сѣумѣла избавиться. Позвали нѣсколько человѣкъ съ вышки и велѣли имъ выбросить вонъ тѣла несчастныхъ изъ башни. Приглашенные, какъ видно, привыкшіе къ подобнаго рода работѣ, не только не отказались исполнить приказанное, но даже не выказали малѣйшаго удивленія. Они сняли одежду съ бывшихъ своихъ товарищей, осмотрѣли ихъ блѣдно-синія лица и принялись за работу.

Мышки со своими сидѣли у костра, издали поглядывая на столбъ, когда первыя тѣла покойниковъ, выброшенные изъ окна, упали на землю. Нѣсколько любопытныхъ подошли-было къ башнѣ. Смѣльчакамъ на головы посыпался градъ камней, одного изъ приближавшихся прижалъ къ землѣ падающій трупъ. Точно спѣлыя плоды посыпались мертвецы со всѣхъ сторонъ. Осаждающіе съ изумленіемъ смотрѣли на это зрѣлище.

— Избавились отъ лишнихъ ртовъ, — догадались они наконецъ:—изъ этого видно, что въ башнѣ намѣрены защищаться, дожидаясь помощи.

Всю ночь съ одной стороны горѣли костры, съ другой—мѣнялись часовые на башнѣ. Одни спали, другіе стояли на часахъ. Иногда, но это случалось рѣдко, стрѣла или камень, пущенные съ площадки столба, ударялись въ спящаго кмета или зарывались въ землю, попавъ-же въ костеръ, разбрасывали уголья.

Вороны, каркая, вились вокругъ башни, не будучи въ состояніи попасть въ свои гнѣзда. Къ утру, казалось, заснули всѣ, но Мышки разставили такимъ образомъ людей вокругъ башни, что изъ нея никто не сѣумѣлъ-бы выйти, не будучи сейчасъ-же замѣченнымъ.

На башнѣ не видно было никакихъ признаковъ жизни, кромѣ стоявшихъ на верхней площадкѣ часовыхъ. Болѣе ловкіе кметы старались попасть въ нихъ стрѣлою, часовые прятались на время за стѣнку — и снова все принимало прежній видъ. Каждый разъ,

когда Хвостекъ входилъ на башню, его встрѣчали крикомъ и бранью.

Однажды, около полудня, изъ башеннаго окна раздался голосъ, призывающій подойти къ столбу. Кметы думали, что осажденные намѣрены сдаться. Мышко Кровавая-Шея хотѣлъ-было уже начать переговоры, но младшій братъ его, котораго прозвали Журавлемъ, за крайне длинныя ноги, подбѣжалъ къ столбу раньше Кровавой Шеи и поднялъ голову вверхъ. Изъ окна раздался дикій хохотъ и одновременно съ нимъ громадный камень свалился на голову бѣдному парню, разможивъ ему голову. Журавль, не крикнувъ, упалъ какъ снопъ.

Мышки вскрикнули, ломая въ отчаянныя руки.

— Кровь за кровь! Ни одинъ не выйдетъ живымъ изъ башни!

Гнѣвъ осаждающихъ достигъ крайнихъ предѣловъ. Хвостъ все громче смѣялся. Смѣльчаки бросились-было спасать тѣло несчастнаго отъ поруганія, но на нихъ полетѣла громадная балка, которая, къ счастью, упала только на трупъ, придавивъ его своею тяжестью. Мышки стонали; потеря любимаго брата привела ихъ въ отчаянье. Кметы кинулись гурьбою, на-перерывъ, къ покойнику: имъ-таки удалось освободить изуродованное тѣло, чтобы предать его огню.

На томъ-же мѣстѣ, гдѣ вчера сожгли тѣла Лешковъ, положили и несчастнаго юношу. Принесли дровъ, устроили костеръ и начали пѣть обрядовыя пѣсни. Ругань, перемежшанная съ проклятіями, доносившіяся съ башни, прерывали ихъ поминутно.

Въ это время,—на дворѣ почти что уже стемнѣло,—человѣкъ небольшого роста съ стриженной головою, съ однимъ глазомъ, откуда-то появившійся подошелъ къ кметамъ. Онъ поглядывалъ на башню, стараясь держаться въ сторонѣ. Человѣкъ этотъ собиралъ разбросанныя на землѣ кости, голодъ видимо донималъ его. Онъ присѣлъ, вмѣстѣ съ собаками, на кучѣ разнаго сора,—никто не обращалъ на него вниманія. Никто, впрочемъ, его не зналъ. Въ тѣ времена много шаталось людей, подобныхъ описанному, сумасшедшихъ, бѣдныхъ, слѣпыхъ или уродовъ, а по принятому обычаю необходимо было ихъ принимать и кормить. Несчастный Зносекъ какъ-разъ подходилъ къ типу такого несчастнаго, обиженнаго природой созданія. Нѣсколько кметовъ бросили ему по

куску хлѣба и по необглоданной кости, которые онъ принялся грызть съ видимымъ удовольствіемъ.

Никому не пришло въ голову, что уродецъ добивался лишь обойти кругомъ башню, дѣлая видъ, что собираетъ что-то съ земли. Было ужъ совсѣмъ темно, когда Зносекъ, подойдя почти къ самому столбу, припалъ къ землѣ и куда-то исчезъ. Пѣсни умолкли, люди дремали у костровъ, часовые глядѣли на озеро; изъ одного окна, или вѣрнѣе—отверстія, въ башнѣ тихонько, безъ шума, спустили толстый канатъ. Зносекъ осторожно подползъ къ нему и крѣпко обвязалъ имъ свое туловище. Часовой, стоящій на берегу озера, замѣтилъ что-то ползущее по стѣнѣ башни, точно огромный паукъ. По понятію часового это не могло быть ничто иное, какъ развѣ духъ.

Паукъ этотъ поднимался по стѣнѣ все выше и выше, наконецъ благополучно достигъ отверстія; ставня тихонько раскрылась и онъ уже готовился проникнуть внутрь башни, когда часовой пустил стрѣлу—раздался крикъ, все исчезло.

Зноска втащила въ отверстіе. Онъ сейчасъ-же со стономъ упалъ... Стрѣла впилась ему въ шею. Прибѣжавшая на крикъ женщина вынула стрѣлу, но кровь ключомъ била изъ раны. Наскоро добытыми тряпками старалась задержать кровь. Хвостекъ подошелъ къ умирающему Зноску и ткнулъ его въ бокъ ногою.

— Эй, слышишь? Былъ ты у князя Милоша?

Зносекъ молчалъ, извиваясь отъ боли.

— Былъ...—проговорилъ онъ наконецъ едва внятно; но тутъ же потянулся и испустилъ духъ. Княгиня, которая при жизни ему покровительствовала, велѣла накрыть охладѣвшее тѣло холстиной.

На слѣдующее утро должны были его выбросить въ озеро, какъ ненужную болѣе вещь.

Между тѣмъ, время шло. Въ башнѣ, по всѣмъ признакамъ, творилось что-то неладное: слышались стоны и плачъ... Казалось, внутри иногда происходилъ ожесточенный бой... Даже стѣны тряслись отъ сильныхъ ударовъ. Страшный, раздирающій душу крикъ доносился оттуда, словно печальный вѣстникъ умирающей жизни...

Нѣсколько разъ поднималась въ башнѣ возня; затѣмъ снова

все утихало... Чаше и чаще показывались истомленные лица въ окнахъ, жаждущія вдохнуть въ себя свѣжаго воздуха; раскрытыя губы, высунутые, засохшіе языки придавали имъ ужасный видъ— но никто не просилъ прощенія, никто не предлагалъ сдаться.

Десятый день осады... Башня молчитъ... Вороны стаями слетаются къ окнамъ... Кметы стрѣлами отгоняютъ ихъ... Мышки велѣли позвать кого-нибудь для переговоровъ: никто не откликнулся... Они прождали еще четыре дня... На башнѣ не было уже часового... Тамъ царила мертвая тишина. Кметамъ ужъ надоѣло столь долгое ожиданіе, всѣ съ нетерпѣніемъ желали увидѣть развязку.

Мышко-Кровавая Шея велѣлъ наконецъ готовить лѣстницы. Слуги его отыскиали гдѣ-то полуразрушенныя, старыя ворота, которыя на всякій случай держали надъ головами рѣшившихъ приблизиться къ башнѣ и ожидавшихъ, по-прежнему, тучи камней и бревенъ. Приставили лѣстницы и осторожно стали взбираться къ главному входу.

Въ башнѣ не замѣчалось и признака жизни... Попробовали рубить входныя двери, — сопротивленія никто не оказывалъ. Вскорѣ онѣ съ шумомъ упали, провалившись какъ-бы въ глубокую пропасть. Внутри была могильная тишина: ни откуда ни звука... Ощущался запахъ гнилого тѣла. Глазамъ забравшихся въ башню кметовъ представились груды труповъ измятыхъ, съ поломанными руками и ногами, посинѣвшихъ, обезображенныхъ.

Въ верхнемъ отдѣленіи лежали тѣла князя и Брунгильды, покрытыя черными пятнами; — отъ голода-ли они погибли, или отъ яда?..

Убѣдившись въ побѣдѣ, кметы радостно вскрикнули. Они начинали уже тосковать по своимъ, имъ хотѣлось скорѣе разойтись по домамъ. Мышки кидали въ воздухъ свои колпаки въ знакъ восторга... Приступили къ отыскиванію громаднхъ сокровищъ Хвостека, которыя, по общему мнѣнію, онъ спряталъ въ землѣ или въ стѣнахъ башни. Расходившіеся по домамъ своимъ кметы спѣшили оповѣстить радостную для всѣхъ вѣсть, что у княжескаго столба царятъ одни лишь вороны.

XXII.

У опустошеннаго княжескаго столба, на развалинахъ его замка, назначено было вѣче, которое должно было произойти въ первый день полнолунія.

Дня за три до этого срока старшины уже начали собираться въ разныхъ мѣстахъ для предварительныхъ обсужденій. Собранія ихъ, на которыхъ они выказывали явную ненависть къ нѣкоторымъ извѣстнымъ родамъ, обѣщали, что и вѣче не обойдется безъ ссоры, что на мѣстѣ, бывшемъ свидѣтелемъ кровавой распри, легко можетъ снова подняться буря.

Стиборъ по пути къ своимъ заѣхалъ къ Пясту, желая и его пригласить на вѣче.

— А я вамъ на что? Я не гожусь въ совѣтчики, — отвѣтилъ Кошпычковъ сынъ: — мое дѣло ходить за пчелами... Кто сильнѣй да богаче, тотъ пускай и рѣшаетъ; я человѣкъ бѣдный, мнѣ не попасть въ старшины... Да у меня для этого ни силъ, ни способностей нѣтъ... Къ этому я не привыкъ, повелѣвать не умѣю, развѣ пчеламъ однимъ — тѣ меня слушаются... да слугамъ, которые меня уважаютъ. Въ добрый часъ; начинайте и торопитесь выбрать князя скорѣе... Какъ только нѣмцы узнаютъ, что мы безъ вождя, сейчасъ-же на насъ нападутъ... Станемъ по-братски за общее дѣло... За себя вамъ ручаюсь: все, что прикажете дѣлать, исполню безпрекословно; что-жъ именно начинать, это должно быть извѣстно вамъ лучше меня...

Стиборъ улыбнулся и продолжалъ:

— Твой-то умъ намъ и нуженъ, добрый отецъ, потому, какись, мы далеки отъ спокойной развязки, — все предвѣщаетъ бурю. Лешковъ, хоть и мелкіе всѣ они, осталось еще довольно, а кромѣ того и прочіе кметы да витязи тоже мечтаютъ о княжескомъ званіи... Не легко дается намъ это дѣло...

Оба вздохнули. Старикъ по-прежнему утверждалъ, что лучше возиться съ пчелами, чѣмъ съ людьми. Наконецъ, хозяинъ и гость распрощались. Пясть съ корзиною за плечами направился въ лѣсъ; Стиборъ поспѣшилъ на вѣче.

Отовсюду стекались кметы къ княжескому замку. Прибыли и

Лешки, слегка потрусивавшіе, но не желавшіе уступить своего права другимъ. Втайнѣ они надѣялись, что, въ концѣ концовъ, выборъ-таки падетъ на кого-либо изъ нихъ.

Трудно было придумать для сборища мѣсто удачнѣе избраннаго: развалины, грустный видъ свѣжаго пепелища—остатка низверженнаго могущества,—все наводило на мысль, что медлить съ избраніемъ князя не слѣдуетъ, такъ-какъ съ каждымъ мгновениемъ близился часъ ожидаемой мести за Пепелка.

На городищѣ было уже много владыкъ, жупановъ и кметовъ, а новые все прибывали. Всѣ предугадывали, что Мышки, уничтожившіе Хвоста, займутъ по праву на выборахъ первое мѣсто; не всѣмъ, однако, это приходилось по вкусу...

— Хоть въ жилахъ у нихъ течетъ такая-же кровь, какъ и въ нашихъ,—разсуждали иные,—но, забравъ власть въ свои руки, пожалуй, начнутъ обходиться съ нами не лучше Хвостка, отъ котораго мы только-что избавились.

Тутъ-же виднѣлся и недавно оправившійся Доманъ съ Людекомъ, сыномъ Виша, и много другихъ, прибывшихъ изъ самыхъ отдаленныхъ окраинъ. Не замѣтно лишь было Пяста.

— Жаль, что нѣтъ старика, пригодился-бы онъ намъ теперь,—слышались голоса:—человѣкъ онъ прямой, со свѣтлымъ умомъ, говорить много не любитъ, а дѣло куда знаетъ лучше другихъ, къ тому-же ни съ кѣмъ не связанъ, всѣмъ желаетъ добра...

Пошли разспросы о Пястѣ. Стиборъ объяснилъ, что старикъ занятъ работой по хозяйству въ лѣсу...

Солнце высоко уже поднялось на небѣ, а кметы все продолжали прибывать. Видя, что дѣло затягивается, раньше прибывшіе обратились съ заявленіемъ къ старщинамъ, что пора-бы и начинать.

Старшій лѣтами на сѣздѣ оказался Жула, изъ рода Яковъ, богатый кметъ, житель дальнихъ лѣсовъ, любившій миръ и мало привыкшій къ войнѣ и къ вѣчамъ. Слылъ онъ за человѣка строгаго, но притомъ справедливаго, особенно если приходилось ему исполнять роль судьи. Расправивъ рукою усы и бороду, онъ проговорилъ:

— Приступимъ къ избранію князя, къ чему намъ время терять? Дома, у cadaго, и безъ того много дѣла! Вздумалось вамъ

завести себѣ новаго господина?.. Попробуйте... Больше мнѣ нечего вамъ сказать, замѣчу развѣ вотъ кстати, что вижу отсюда я много князей, а нуженъ намъ лишь одинъ... За княземъ дѣло не станетъ,—повиноваться ему будетъ труднѣе... Отчего хотѣ-бы и мнѣ не быть вашимъ княземъ?..

Мышки, подобно другимъ родамъ держались вмѣстѣ... Полагаясь на свою многочисленность, они такъ шумѣли, что невольно обращали на себя общее вниманіе.

Каждая семья таила надежду, что выборъ падетъ на одного изъ принадлежавшихъ къ ней членовъ. Никто, повидимому, не хотѣлъ уступать, особенно такіе рода, какъ Лешки, Бумиры, Яксы, Кани, Пораи, Визилиры, Старжи...

— Мышка выбрать,—послышалось изъ его семьи:—Кровавую Шею! Онъ ужъ намъ далъ доказательство, что умѣетъ при случаѣ быть вождемъ... Намъ такого и нужно!..

— Мышка?! А почему-жъ-бы не Каня, — замѣтилъ кто-то въ отвѣтъ:—Кани не хуже владѣютъ оружіемъ, а кромѣ того намъ богатый надобенъ князь, чтобы не было вѣчевыхъ, на пользу его, поборовъ...

— Такъ и Виши — семья богатая, — оспаривалъ чей-то голосъ:—старый Вишъ первый жизнь положилъ за вѣче...

Крики усиливались, грозя перейти въ беспорядокъ. Лешки бѣшено волновались, доказывая свое первенство относительно права стать во главѣ народа.

— Лешковъ не надо! Было у насъ ихъ довольно!—поднялась буря криковъ.—Долой ихъ! Мстить еще вздумаютъ намъ!

Слово за словомъ—доходило чуть не до драки. Замѣтивъ это, Стиборъ обратился къ спорщикамъ съ увѣщаніемъ, что на вѣчѣ — не кулакъ, а доброе слово рѣшаетъ дѣло!

Людекъ, сынъ стараго Виша, поднялся съ мѣста и началъ:

— Слухи ходятъ, что отецъ княгини и молодые князья знаютъ уже о смерти Хвоста. Говорятъ, что въ тотъ самый день, какъ мы впервые зажгли огни, сыновья князя, гостившіе въ замкѣ, отправлены были матерью къ дѣду звать нѣмцевъ на помощь... Одновременно извѣстили о томъ-же и кошубовъ съ поморцами... Эти долго ждать себя не заставляютъ: не сегодня — завтра нагрянуть на насъ... Земли опустошать, дома обращать

въ пепелъ... Мы вотъ споримъ, да ссоримся — кого-бъ, дескать, надъ собою поставить княземъ, а о томъ забываемъ, что будь насъ хоть вдвое больше противъ дѣйствительности, безъ главы оборона немыслима!...

Сказавъ, Людекъ сѣлъ; тогда привсталъ Добекъ. Это былъ богатый жупанъ: всѣ его знали и относились къ нему съ уваженіемъ, какъ къ умному, хитрому, но вмѣстѣ съ тѣмъ и великодушному человѣку. Лѣтъ ему было около сорока, хотя на видъ казалось не болѣе тридцати. Онъ обладалъ громадною физическою силою: душилъ медвѣдей, словно котятъ, и часто, сломавъ копые, вырывалъ съ корнемъ небольшое деревцо, причемъ наносилъ имъ удары лучше, чѣмъ иной копьемъ или мечомъ. Непокорную лошадь Добекъ ногами задавливалъ до смерти. Съ людьми онъ тоже церемониться не любилъ, а ужъ что касалось того: предводительствовать-ли въ битвѣ, водворить-ли порядокъ гдѣ—въ этомъ равнаго ему и сыскать было трудно. Нѣмцевъ онъ выносить не могъ; бывало попадется какой изъ нихъ ему въ руки, онъ сейчасъ-же запряжетъ его въ плугъ или въ соху. Въ мирное время Добекъ отличался веселымъ, словоохотливымъ нравомъ и разъ привязавшись къ кому-либо, отдавался ему всей душою. Такова была личность, обратившаяся къ вѣчу со слѣдующими словами:

— Намъ нуженъ князь, но только одинъ, сватается-же ихъ болѣе сорока... За cadaго изъ нихъ стоитъ его родъ... Уступить никому не хочется... Все это не ново... Давно вѣдь рассказываютъ, что когда въ прежнее время приходилось выбирать старшинъ, Лешки, не зная, какъ придти къ соглашенію, въ-запуски бѣжали къ столбу... Теперь намъ не ноги нужны; нужны головы... Что-жъ... по старому обычаю... кинемъ жребій... Авось выйдетъ что-либо путное... Не умѣемъ сами рѣшить, предоставимъ рѣшить богамъ...

Наступило молчаніе: предложеніе, видимо, не понравилось.

— Не добьемся согласія,—сказалъ наконецъ Мышко Кривая Шея:—тогда и будетъ время подумать о жребіи... А съ этого начинать не стоитъ, пока у насъ еще своя воля есть.

Доманъ привсталъ.

— Чѣмъ-же худо по жребію?—спросилъ онъ.—По крайности, времени напрасно-бы не теряли. Положимъ копья наши на землю,

приведемъ бѣлаго коня; чье копые онъ прежде другихъ тронетъ ногою, тому и быть княземъ, тотъ значитъ избранникъ боговъ!

— Или пошлемъ на Ледницу, на священный островъ, пригласимъ оттуда женщину, положимъ передъ нею наши колпаки, чей она первымъ подыметъ, того мы и выберемъ княземъ,—сказалъ Згорѣлецъ.

Но ни одно изъ этихъ предложенныхъ средствъ не приняло вѣче. Шумъ продолжался — согласія не было. Между тѣмъ, наступилъ вечеръ.

Кметы расходились, ничего не рѣшивъ. Одни отправились по дворамъ, другіе полегли отдыхать на сосѣднемъ лугу. Одни стояли за Лешка, другіе за Мышка, у Виша тоже не мало было сторонниковъ; нашлись и желающіе избрать Добка; послѣдніе хотѣли тутъ-же провозгласить его княземъ, но онъ удержалъ ихъ отъ подобнаго намѣренія словами:

— Не хочу! Я скорѣе готовъ подчиняться, чѣмъ повелѣвать... При настоящихъ условіяхъ лучше жить на свободѣ, нежели служить многимъ господамъ... Я предпочту уйти на край свѣта, лишь-бы избѣжать такой неволи...

Мышки, обманувшіеся въ расчетахъ, поспѣшили развѣхаться. Съ каждой минутой росло число недовольныхъ и честолюбцевъ.

— Чѣмъ-же мы хуже другихъ, — говорили многіе: — богаты мы столько-же, если еще не богаче, земли у насъ много, родня не малая... Мы также сумѣемъ княжить, какъ и другіе.

Такъ и разошлись всѣ недовольные другъ другомъ.

Пясть возвращался съ пчельника, когда къ его усадьбѣ подѣхалъ Добекъ и соскочилъ съ лошади.

— Отецъ Пясть, — обратился онъ къ старику: — ты, вмѣсто того, чтобы придти къ намъ, отправился къ пчеламъ, а будь ты на вѣчѣ, авось-бы сумѣлъ прекратить наши споры добрымъ совѣтомъ. Пчелы и безъ тебя живутъ хорошо да согласно...

— А что у васъ тамъ случилось?—спросилъ хозяинъ.

— Ничего особеннаго... Говорятъ только, что сыновья Хвостека ведутъ на насъ кошубовъ... а мы, между тѣмъ, не имъ, а другъ другу грозимъ кулаками. Вѣче ни къ чему не пришло... А такъ какъ самимъ намъ выбрать князя не удастся, то намъ и предлагаютъ разныя средства: кто лошадь, кто женщину, наконецъ,

какъ водилось когда-то, хотятъ, чтобъ мы взапуски бѣжали къ столбу...

— Стало быть, я и правъ,—усмѣхнулся Пясть,—отдавъ предпочтеніе пчеламъ: въ лѣсу-то я знаю, что сдѣлалъ; среди васъ-же, мнѣ, бѣдному человѣку, дѣлать было-бы нечего... Вѣдь вотъ вы ужъ и разбѣжались?!

— Одни разсердившись, совсѣмъ уѣхали, другіе остались, но сильно ворчатъ... Нѣкоторые, какъ я, напримѣръ, ищутъ ночлега... А все-таки надо-же выбрать кого-нибудь,—того и гляди, незваный-то гость на плечи намъ сядетъ!..

На слѣдующій день рано утромъ явился Доманъ съ поклономъ. Старого Пяста всѣ уважали.

— Что это ты такъ блѣденъ?—спросилъ у него хозяинъ, который давно ужъ не видѣлъ Домана и ничего о немъ не слыхалъ.

— Потерялъ много крови, ножомъ мнѣ въ бокъ угораздили,—отвѣчалъ Доманъ.

— Кто-же тебя это?..

— Стыдно признаться... женщина... Я хотѣлъ увести Вишову дочь, потому она сильно мнѣ полюбилась... Я ее и въ рукахъ ужъ держалъ, какъ она, выхвативъ у меня изъ-за пояса ножъ, вонзила его въ мою грудь...

— Дорогой, однако-жъ, цѣной купилъ ты красавицу!..

— Не довелось мнѣ только владѣть ею,—замѣтилъ Доманъ, смѣясь:—убѣжала на Ледницу въ храмъ, а меня оставила тутъ залѣчивать рану...

— Другую дѣвицу найдешь,—старался утѣшить Пясть.

— Я и нашелъ ужъ, сказалъ Доманъ:—да что-жъ изъ того, когда первой забыть не могу...

Въ эту минуту, со стороны раздался чей-то знакомый голосъ:

— Еслибъ не вѣдьма Яруха, давно-бъ ужъ тебя поминай какъ звали!..

Пясть и Доманъ оглянулись: Яруха имъ кланялась въ ноги, старчески шевеля губами.

— А ты куда: на вѣче, или уже оттуда?—спросилъ съ насмѣшкой Доманъ.—Можетъ, ты тамъ-бы и пригодилась?

— Только еще на вѣче,—не смущаясь, отвѣтила Яруха:—отчего-бы и мнѣ не пойти туда? Я слышала, нѣтъ тамъ ни складу,

ни ладу... Кто знаетъ? Можетъ, я принесла-бы съ собою порядокъ... Въ мѣшечкѣ водится у меня всякая всячина... Знаю я многое... Вотъ, хоть къ примѣру, рассказала-бы сказку...

— Какую?—полюбопытствовали и хозяинъ, и гость.

— Э! Это старая бабья сказка...—махнула Яруха рукой; затѣмъ продолжала.—Говорятъ, когда-то случилось, въ муравейникѣ не стало царя... Упалъ онъ съ дуба, да такъ и погибъ на мѣстѣ, и дѣтей по себѣ не оставилъ... Долго-ли, коротко-ли—стали голодные птицы слетаться, поклевывать муравьевъ, расхищать муравейникъ... Старшіе-то изъ муравьиной семьи и собрались, промежъ себя совѣщаніе затѣяли... Кто предлагаетъ власть вручить комару, кто и мухѣ, а не то пауку, только чтобъ муравью не досталась... Муравьи-то всѣ черные, ихъ другъ отъ дружки, поди, и не отличишь, на видъ всѣ какъ есть, значить, равные... Такъ-то спорили они спорили, галдѣли-галдѣли, да въ концѣ-концовъ ни на чемъ и не порѣшили, а птицы тѣмъ временемъ съ муравьевъ перешли ужъ и къ яйцамъ... Вотъ, какъ-бы и съ вами, господа мои милостивые, не приключилось чего-либо въ адакомъ родѣ?.. А впрочемъ, какое мнѣ, старой вѣдунѣ, до этого дѣло?..

Пясть и Доманъ улыбнулись. Яруха, отвѣсивши имъ по поклону, поплелась къ женѣ Пяста промочить себѣ горло пивомъ.

Добекъ съ Доманомъ сильно пристали къ Пясту, убѣждая его отправиться съ ними на вѣче.

— Къ чему собой увеличивать счетъ, коль скоро на добрый исходъ нѣтъ надежды?—упорствовалъ Пясть.—Обойдетесь и безъ меня, я совѣтчикъ плохой...

Въ этотъ день повторилось точь-въ-точь то самое, что было и наканунѣ. Старшины, проспоровивши день-деньской, разошлись ничего не добившись. Лешки съ одной, Мышки съ другой стороны, старались перекричать другъ друга, а дѣло не двигалось.

Поздно вечеромъ Мышко Кровавая-Шея явился къ Пясту.

— Привѣтствую тебя, отецъ,—проговорилъ онъ хмуро.

— Откуда это, съ вѣча?

— Да,—отвѣтилъ гость, вздохнувъ.

— Что новаго?

— Пустое ведро,—усмѣхнулся Кровавая-Шея:—нѣтъ воды, со-

гласія нѣтъ. Чуть не до драки доходитъ: каждому хочется княземъ быть, повиноваться лишь никому не желательно.

— Ну, а ты?

— Что-жъ... я? У меня, по крайности, есть основаніе, право,— замѣтилъ уклончиво Мышко.— Кто низвергъ Хвоста ненавистнаго, если не я да мои? Кто жизнью своею жертвовалъ? Чѣмъ хуже я Лешковъ или другихъ!..

— Положимъ,—отвѣтилъ Пясть:—но что-жъ выйдетъ изъ этого? Вѣдь эдакъ воротятся времена Лешковъ и Пепелка!..

— Да что!.. О выборѣ нечего, видно, и толковать... Кто соберетъ больше людей, тотъ и провозгласитъ себя княземъ, и управленіе возьметъ въ свои руки!

— Къ чему-же было тогда хлопотать о сверженіи прежняго?—удивился Пясть:—онъ на этихъ именно основаніяхъ и княжилъ?

— Что-же дѣлать, коли согласія нѣтъ? Да и лучше-то что: нѣмцы-ли нами чтобъ правили, или свой человѣкъ?

Помолчавъ немного и глядя въ землю, хозяинъ отвѣтилъ:

— Дѣлайте, какъ знаете, но уважайте вѣче.—Что случилось съ Пепелкомъ и Лешкомъ, можетъ легко и съ другимъ повториться...

— Я не позволю кому-бы то ни было собою управлять!—воскликнулъ Мышко, поднимая съ угрозою руку вверхъ, послѣ чего, не дожидаясь отвѣта, не попрощавшись съ Пястомъ, сейчасъ-же уѣхалъ.

На слѣдующій день на мѣстѣ двухдневнаго сборища кметовъ никого уже не было; одни воробьи, нахохлившись, злобно чирикаютъ, оспаривали одинъ у другого крошки отъ объѣдковъ людскихъ, словно подражая вчерашней толпѣ, тоже неистово спорившей, хоть изъ-за блюда и болѣе лакомаго—власти одного человѣка надъ многими!..

Пясть сидѣлъ на крыльцѣ, удивляясь людямъ, какъ это они могутъ стремиться къ тому, что въ его глазахъ было ужаснымъ бременемъ... Онъ искренно радовался своему убожеству, дававшему ему право не участвовать въ этихъ спорахъ и стоять въ сторонѣ...

Вѣче не состоялось; пріѣхавшіе на совѣщаніе друзьями разстались съ взаимною ненавистью. Особенно Мышки нажили себѣ

много враговъ. Лешки зато весело потирали руки, такъ-какъ многіе кметы обращались къ нимъ со словами:—Пускай лучше прежній родъ княжить, лишь-бы поступалъ по закону. Наступилъ праздникъ жнитва. Старшины полагали, что вторично созванное вѣче должно увѣнчаться успѣхомъ и всѣ дѣятельно подготавлились къ нему. Мышки собирали своихъ друзей и сторонниковъ, Лешки тоже не мѣшкали, но, въ сущности, каждый думалъ только о своихъ личныхъ выгодахъ.

Многіе не хотѣли участвовать въ предстоящемъ вѣчѣ. Другіе открыто радовались тому, что князя болѣе нѣтъ,—это освобождало ихъ отъ несенія извѣстныхъ повинностей; когда-же при нихъ говорили о возможномъ и скоромъ нашествіи нѣмцевъ, они отказывались этому вѣрить, утверждая, что нѣмцамъ и дома работы достаточно, да врядъ-ли имъ и удастся такъ скоро устроить походъ на полянскія земли.

Между тѣмъ, нѣкоторые, соображая, что не трудно пріобрѣсти себѣ друзей путемъ хлѣбосольства, велѣли наполнить возы мясомъ, калачами, пивомъ и медомъ и везли все это съ собою для угощенія. Они тѣмъ болѣе разсчитывали на успѣхъ, что вѣчу предстояло собраться въ праздничный день. Такъ сдѣлали Мышки, а когда Бумиръ и его товарищи узнали объ этомъ, то также, что только въ домѣ нашлось—послали на городище.

Собраніе, по численности присутствующихъ уступавшее первому, имѣло зато болѣе торжественный видъ.

Кметы внимательнѣе слѣдили за ходомъ рѣчей, стараясь больше слушать, нежели говорить. Они стали опытнѣе и ловчѣе брались за дѣло.

Старый Визунъ съ длиннымъ копьемъ въ рукѣ явился какъ-разъ въ то время, когда кметы уже заняли свои мѣста. Видно было, что онъ усталъ.

Визунъ пользовался общимъ и исключительнымъ уваженіемъ какъ потому, что не разъ уже выказалъ умъ свой и опытность, такъ и потому, что онъ, на своемъ вѣку, много видѣлъ, побывалъ во всѣхъ славянскихъ земляхъ, зналъ обычаи, нравы, законы и порядки всѣхъ племенъ, широко раскинутыхъ по берегамъ Вислы, Днѣпра, Дуная, Лабы, Одера и Бѣлаго моря; къ тому-же онъ слылъ за мастера ворожить и умѣлъ предсказать все, что

должно было совершиться въ будущемъ... Многіе прибѣгали къ его совѣтамъ, хотя онъ ихъ и не охотно давалъ. Неудивительно, что всѣ обрадовались его появленію, надѣясь, что словомъ своимъ онъ водворитъ миръ и согласіе.

Мышки и Лешки побѣжали къ нему навстрѣчу. Раньше чѣмъ приступить къ дѣлу оба рода разставили все привезенное съ собою—мясо, пиво хлѣбъ—и пригласили всѣхъ къ приготовленной на скорую руку трапезѣ.

Визуна усадили на почетномъ мѣстѣ, и началось угощеніе. Погода въ тотъ день была восхитительна; разныхъ напитковъ достаточное количество, а разъ принявшись за нихъ, кметы и не замѣтили, какъ прошла добрая половина дня. Визунъ все время молчалъ. Мышкамъ казалось, что онъ непременно будетъ на ихъ сторонѣ, въ свою очередь Лешки ласкали себя подобною-же надеждою. Всѣ обратились къ нему за совѣтомъ, какъ быть и что дѣлать, чтобъ добиться осуществленія завѣтной мечты.

Старикъ окинулъ взоромъ притихнувшее вѣче и началъ:

— Затѣмъ-то я и пришелъ сюда, чтобы вамъ правду сказать, не я ее сочинилъ, а несу ее изъ того источника, гдѣ она зародилась. Я нарочно былъ въ нѣсколькихъ храмахъ, съ цѣлью узнать, что намъ дѣлать, чтобы кончить все мирно и бѣды себѣ не нажить. Былъ я въ храмѣ Святовиды, Радегаста, Поревита... побывалъ въ Колоберегѣ, въ Штетинѣ, въ Ретрѣ и на священномъ островѣ рановъ, что на Черномъ пруду... Тамъ царятъ боги, которые всѣмъ нашимъ племенемъ управляютъ: ободритами, вильками, людками и полянами... У насъ нѣтъ ни такихъ храмовъ, ни такихъ боговъ, какъ тѣ, которые есть у редаровъ и рановъ... Я къ нимъ ходилъ за ворожбою и передамъ вамъ все то, что узналъ отъ нихъ...

Онъ остановился на минуту, а Мышко спросилъ:

— Какъ-же пробрался ты въ Ретру?

— А кто-жъ-бы остановилъ безоружнаго старика?—сказалъ Визунъ.—Вильки не разъ останавливали меня на пути, но тотчасъ-же и отпускали... Къ Радегасту не легко было также добраться... Храмъ стоитъ на островѣ, подобномъ нашей Ледницѣ, и построенъ на возвышеніи; въ окружающей его оградѣ трое воротъ; изъ нихъ одни никогда не открываются, такъ-какъ скры-

вають за собою ходъ къ водѣ... Изображеніе бога покрыто сплошь золотомъ, корона блеститъ у него на головѣ, у подножья лежатъ олени рога, надъ нимъ возвышается пурпурнаго цвѣта крыша, опирающаяся на расписанные столбы. Вокругъ него изображенія другихъ боговъ, всѣ въ богатыхъ красныхъ одеждахъ, вооруженные, съ мечами въ рукахъ... Къ нимъ-то я и отправился спросить о нашемъ будущемъ...

— Что-жъ ты узналъ?—раздались вопросы.

Визунъ опустилъ глаза.

— Долго пришлось мнѣ ждать, пока добился короткаго отвѣта: выберите покорнаго... Этого показалось мнѣ мало, я и отправился на священный островъ, что на Черномъ пруду, на Ясмундѣ, въ Реконѣ... Здѣсь вопрошалъ я Триглова и Святовида... Святовидъ сказалъ: выберите малаго. Тригловъ—изберите бѣднаго... Совѣтовался я еще съ Святовидовымъ рогомъ посредствомъ меда и тутъ получилъ въ отвѣтъ, что насъ неминуемо ждутъ война и несчастіе, если малаго не сдѣлаемъ великимъ...

Въ теченіе всей этой рѣчи, на лицахъ присутствующихъ ясно отражалось овладѣвшее ими недоумѣніе. Визунъ продолжалъ:

— То, что слышалъ я отъ боговъ, обо всемъ этомъ я и самъ раньше думалъ... Прежде всего намъ необходимы согласіе и единство во всемъ. Обошелъ я наши народы и племена, что живутъ отъ Днѣпра вплоть до Лабы, отъ синяго до Бѣлаго моря, и убѣдился, что насъ очень много, но сдѣлать-то мы ничего не умѣемъ... Одни поддались нѣмцамъ и теперь съ ними въ дружбѣ живутъ; другіе воюютъ со своими сосѣдями-братьями; иные забрались въ лѣса и своихъ знать не хотятъ... Всякъ живетъ, какъ ему вздумается... Не разъ ужъ встрѣчались наши поляне у равновъ съ сербами, людками, дулебами, вильками и со многими племенами одной съ нами рѣчи; хлѣбъ вмѣстѣ ѣли, изъ одной чарки медъ пили, а на слѣдующій день не узнавали другъ друга...

У нѣмцевъ всего одинъ вождь, и лишь только они повздорятъ—онъ сейчасъ-же миритъ ихъ, словно мать малыхъ дѣтей, поссорившихся за мискою; у насъ царитъ полная свобода и ради нея мы не хотимъ знать единаго властелина, а между тѣмъ дикіе звѣри могутъ насъ уничтожить... Коль скоро ужъ иначе быть

не можетъ, пусть изберутъ, какъ совѣтуютъ боги, покорнаго, бѣднаго, малаго...

Молчаніе было отвѣтомъ на рѣчь Визуна. Какъ прежде каждый старался казаться великимъ, такъ теперь думалъ о томъ, какъ-бы стать меньше, бѣднѣе, покорнѣе. Болѣе знатнымъ кметамъ не пришлось по вкусу слова старика, смыслъ которыхъ вызвалъ ропотъ, неудовольствія.

Между тѣмъ, раздались крики нетерпѣливыхъ кметовъ:

— За дѣло! Начнемъ-же хоть разъ, наконецъ!

Снова поднялся говоръ и шумъ; слова Визуна были скоро забыты. Мышки выставляли на видъ пролитую ими кровь, Лешки опирались на свое право, другіе кичились богатствомъ.

Кровавая-Шей, сравнительно съ другими, сумѣлъ набрать себѣ больше сторонниковъ; самые смѣлые изъ нихъ предложили его въ князья, но лишь раздалось его имя—добрая половина участниковъ вѣча отошла въ сторону, не желая и думать о такомъ князѣ.

Тогда предложилъ кто-то одного изъ самыхъ покорныхъ Лешковъ,—предложеніе встрѣтило сильный отпоръ. Многіе разошлись, не предвидя конца..

Солнце клонилось къ закату. Согласія по-прежнему не было. Старый Визунъ стоялъ въ сторонѣ, задумчиво улыбаясь.

Вдругъ вдали показался всадникъ, изо всѣхъ силъ скакавшій по направленію къ столпившимся кметамъ. Кметы кинулись навстрѣчу ему. Не успѣлъ онъ еще соскочить съ коня, какъ послышался его сильный голосъ:

— Сыновья князя съ поморцами, кошубами, нѣмцами вступили къ наши владѣнія... Они уже перешли границу...

Всѣ стремительно бросились къ лошадямъ. Крикъ, шумъ, неообразимая суетня...

— Вотъ чего мы дождались, вздоръ, да ссорясь здѣсь!—съ досадою воскликнулъ Добекъ.—Если мы теперь разбѣжимся въ разныя стороны — неизбежно погибнемъ всѣ, потому насъ по-одиночкѣ будутъ ловить...

Лешки отошли въ сторону и молчали. Имъ казалось не труднымъ войти въ соглашеніе съ пришельцами. Мышки, напротивъ, видимо беспокоились о своей судьбѣ. Они собрались въ одну кучу.

— На коня, кому жизнь дорога и пусть каждый людей своих соберетъ, — кричали они, — совѣщаться теперь не время!.. Пойдемъ имъ навстрѣчу гурьбою... Не съумѣемъ теперь устоять, послѣ будетъ ужъ поздно...

Добекъ прервалъ повелительно:

— По домамъ, за людьми! Идите челядь скликать... Завтра утромъ всѣмъ являться сюда съ тѣмъ, что у кого есть... Вмѣстѣ и двинемся на врага... Вечера и ночи хватить собраться съ силами! Живѣй на коня!

Всѣ еще больше засуетились, и вскорѣ городище совсѣмъ опустѣло.

Ночью въ той сторонѣ, откуда ждали нашествія, на небѣ появилось широкое зарево, расплывавшееся, казалось, до безконечности.

На слѣдующій день еще никто не прибылъ на городище. Всѣ приготовлялись къ защитѣ; у иныхъ не было даже оружія... Только на третій день съ ранняго утра, на берегу озера стали показываться кметы со своими дружинами. Вѣсть о вражьемъ нашествіи успѣла проникнуть въ самые отдаленные уголки; изъ нихъ также явились кметы, ведя за собою людей.

Не спрашивая ничего согласія, Добекъ, который первый прибылъ на городище, распоряжался какъ вождь. Никто не осмѣлился отказать ему въ повиновеніи. Онъ, впрочемъ, обладалъ такою силою, такимъ громаднымъ вліяніемъ, что въ случаѣ отказа съумѣлъ бы заставить молчать непокорнаго.

Тогдашнее вооруженіе полянъ едва достойно этого слова. Поляне не любили войны и хищниками никогда не были; они спокойно занимались хлѣбопашествомъ. Необходимость защиты принудила ихъ подумать о вооруженіи, но оно было крайне бѣдно.

Желѣзное оружіе имѣли весьма лишь немногіе, тоже и относительно мѣднаго; по большей части каменные молоты и топоры, луки, пращи и палки составляли все ихъ вооруженіе. Кусокъ древесной коры замѣнялъ собою желѣзный панцырь, а щитъ, покрытый одною или двумя звѣриными шкурами, считался уже украшеніемъ, роскошью. Сѣкиры и ножи, у кого они были, привязывались къ кушаку или сѣдлу.

Слуги и челядь шли пѣшкомъ; одни только старшины, кметы

да старшіе изъ дружинниковъ были на лошадяхъ. Всадники, ради защиты, на колпакъ свой надѣвали металлическое кольцо, а на плечи металлическіе круги.

Каждая семья предводительствовала своею дружиной, не отличавшейся особеннымъ расположеніемъ къ войнѣ, тѣмъ менѣе—къ выполненію приказаній. Угрозами и страхомъ приходилось сдерживать ихъ. Добекъ осматривалъ полчища, собиралъ ихъ, устраивалъ, а непокорныхъ заставлялъ палкою молчать и повиноваться. Разъ принявшись за дѣло, онъ до тѣхъ поръ не ѣлъ, не пилъ, не спалъ, пока не приводилъ все въ порядокъ. Добекъ любилъ воевать; онъ только тогда дышалъ свободно и бывалъ доволенъ собою, когда сидѣлъ на лошади съ копьемъ въ рукѣ. Глаза его смѣялись тогда, губы отъ восторга дрожали.

Вечеромъ Добекъ во все концы разослалъ отборныхъ, ловкихъ людей, съ цѣлью развѣдать, гдѣ находятся въ данную минуту враги. Лишь добывъ объ этомъ точныя свѣдѣнія, онъ намѣревался тронуться съ мѣста своими силами. Дожидаясь посланныхъ, онъ нѣсколько отступилъ отъ озера и расположился лагеремъ въ лѣсу, чтобы дымъ и огонь костровъ не навелъ невзначай на него непріятеля.

XXIII.

Посланные вернулись съ извѣстіемъ, что нѣмцы съ каждымъ часомъ подступаютъ все ближе. Ихъ даже видѣли издали, сосчитать только было трудно. А нѣмцы, дѣйствительно, шли впередъ, уничтожая все на своемъ пути: людей забирали въ плѣнъ, дома предавали огню, захватывая съ собою все, что удобно было нести; послѣ нихъ оставались груды развалинъ и пепла.

Защиты нельзя было откладывать: каждый день стоилъ жизни громадному числу мирныхъ кметовъ съ семействами, не говоря уже объ имуществѣ, расхищавшемся и гибнувшемъ отъ огня. Къ сожалѣнію, дружину пугали страшныя полчища вооруженныхъ нѣмцевъ, съ которыми трудно было бороться. Въ виду всего этого Добекъ рѣшился напасть на враговъ ночью, когда они расположатся для отдыха.

Предводительствуемые Добекомъ кметы, со своими дружинами, тронулись въ путь лѣсомъ. На второй день пути, въ глухой чащѣ, встрѣтилось имъ большое количество женщинъ, стариковъ, дѣтей и больныхъ, успѣвшихъ укрыться здѣсь со всѣмъ своимъ скарбомъ отъ наступавшаго непріятеля. Отъ нихъ-то узнали, что много народа захвачено въ плѣнъ и что во главѣ поморцевъ находятся Лешекъ и Пепелекъ, которые, опьяненные мстью, безжалостно вѣшаютъ каждого попавшагося имъ въ руки кмета.

Плачъ бѣдныхъ женщинъ, дѣтскіе стоны, унылый видъ стариковъ хотя и напугали дружину, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возбудили въ ней жажду возмездія.

Несчастные бѣглецы рассказали, что своими глазами видѣли много людей, съ ногъ до головы покрытыхъ желѣзомъ, съ каменными щитами въ рукахъ, отъ которыхъ стрѣлы отскакивали, не причиняя имъ никакого вреда. За этими щитами нѣмцы чувствовали себя, какъ за стѣною.

Добекъ обрадовался, узнавъ, что враги, послѣ каждого нападенія на хижину кмета, всегда напивались пьяными и потомъ засыпали крѣпчайшимъ сномъ... Случись напасть на нихъ во-время подобнаго состоянія, расправа оказалась-бы крайне не трудною.

Одинъ старикъ предложилъ провести ихъ ближайшимъ путемъ къ непріятелю. Добекъ съ дружинами оставался въ лѣсу до солнечнаго заката; двинулись съ мѣста лишь позднимъ вечеромъ. Ночь была безлунная, небо покрылось тучами...

Долго шли по самому краю лѣса. Наконецъ, вдали показались гаснущіе костры.

Нетерпѣливо поскакалъ Добекъ впередъ, желая по числу ихъ составить себѣ хотя приблизительное понятіе о количествѣ непріятеля, но костровъ было такъ много, что Добекъ усталъ считать; къ тому-же, ему хотѣлось какъ можно скорѣе кинуться въ битву.

Лагерь поморцевъ, хотя-бы у нихъ нашлось и не много вещей, похищенныхъ у кметовъ, всетаки представлялъ лакомую добычу для дружины Добека. Поморцы были народомъ, каждый членъ котораго одновременно совмѣщалъ въ себѣ и воина, и торговца; въ странѣ ихъ можно было встрѣтить все, что только производилъ тогдашній міръ.

Въ Винедѣ они мѣняли свой мѣхъ и янтарь на желѣзо, тамъ-же доставали мечи, сукна и другіе товары, привозимые въ Винеду купцами съ юга, запада и востока. Хотя поморцы все еще говорили на славянскомъ нарѣчїи, но сердца у нихъ были нѣмецкія. Ради добычи, они готовы были служить каждому, жечь, убивать хотя-бы и братьевъ родныхъ. Звѣрская дикость и жадность были единственными ихъ двигателями.

Теперь они лежали у костровъ и отдыхали послѣ цѣлаго ряда убійствъ, сожженія безчисленнаго множества домовъ. Подъ защитою лѣса, озера и окружающихъ ихъ болотъ, они считали себя вполне безопасными. Часовыхъ не было. У огня въ небольшихъ котлахъ варился ужинъ; мечи и щиты лежали беспорядочно сложенными на землѣ. Снявъ кушаки, желѣзные покровы и шипаки, поморцы отдыхали отъ кровавыхъ трудовъ.

Лежа, они громко пѣли; пѣснямъ ихъ вторили ужасные крики и стоны.

Дикіе воины жестоко обращались съ женщинами и дѣтьми, которыхъ, поймавъ, уводили съ собою. Вблизи видна была толпа людей, связанныхъ по рукамъ и по ногамъ; несчастные казались истерзанными, голодными, никто не бросилъ имъ даже куска черстваго хлѣба. Женщины держали на рукахъ мертвыхъ своихъ дѣтей... Живые и мертвецы—все было здѣсь перемѣшано... Ужасное зрѣлище!..

Подкрадываясь ближе и ближе къ отдыхающему врагу, люди Добека, среди плѣнниковъ, узнавали своихъ—это бѣсило ихъ, они закипѣли гнѣвомъ. Немного поодаль виднѣлась ставка кошубовъ и нѣмцевъ, вооруженіе которыхъ было гораздо слабѣе. Саксонцы расположились совсѣмъ въ сторонѣ. Они окружали небольшой холмъ, на которомъ въ шалашѣ отдыхали Лешекъ и Пепелекъ.

У полянъ было довольно времени для того, чтобы внимательно рассмотреть враговъ. Тѣ изъ нихъ, что лежали у самаго лѣса, крикомъ своимъ заглушали шаги приближавшихся къ нимъ полянъ. Теперь всего лишь небольшое пространство отдѣляло Добекову дружину отъ становища поморцевъ. Уяснивъ себѣ достаточно расположеніе послѣдняго, Добекъ велѣлъ своимъ людямъ, прежде чѣмъ напасть на враговъ, окружить ихъ со всѣхъ сторонъ, чтобы такимъ образомъ не допустить никого спастись бѣгствомъ,

Все устроилось согласно съ желаніемъ вождя; съ одной только стороны нельзя было окружить поморцевъ, иначе они открыли-бы преждевременно угрожавшую имъ опасность.

По приказанію Добека, одна изъ дружинъ должна была немедленно подобраться къ плѣннымъ и разрѣзать имъ путы; предполагалось, что и они въ состояніи будутъ оказать посильную помощь.

Когда все было какъ слѣдуетъ подготовлено, Добекъ съ мечомъ въ рукѣ сталъ во главѣ своей собственной дружины и велѣлъ трубить въ рогъ — условный сигналъ, что время броситься на враговъ.

Поморцы хотя и услышали этотъ звукъ, но имъ показалось, что кто-нибудь изъ своихъ трубить; они не тронулись съ мѣста.

Вдругъ изъ лѣсу выбѣжали поляне и кинулись на поморцевъ, какъ-разъ въ то время, когда послѣдніе еще не успѣли хватиться за оружіе.

Ужасный крикъ огласилъ воздухъ, крикъ одновременно вырвавшийся изъ тысячи грудей... Началась ужасная рѣзня.

Освобожденные плѣнные, даже женщины, душили недавнихъ мучителей... Тѣ только изъ враговъ, которые отдыхали по ту сторону луга, успѣли привстать и вооружиться; но среди царившей суматохи они толпою бросились бѣжать, кто въ лѣсъ, кто къ озеру, хотя отовсюду являлись кметы, нанося смертельные удары.

Однако, къ холму, гдѣ стояли князья со своей дружиной, не такъ-то легко оказалось пробраться. Нѣмцы, замѣтивъ, что поморцы въ опасности, бросились-было къ нимъ на помощь, но опоздали. Поморцы одинъ за другимъ падали подъ ударами дружины храбраго Добека. Нѣкоторые изъ нихъ укрылись въ кустахъ, уходили въ лѣсъ, чтобы тамъ умереть. Оставшіеся еще въ живыхъ громко просили пощады. Подобная-же участь постигла кошубовъ, изъ которыхъ лишь небольшой кучкѣ удалось воспользоваться быстротой своихъ ногъ. Одни только нѣмцы еще оставались на лугу. Окруживъ Лешека и Пепелека, они замыслили искать спасенія въ бѣгствѣ. Темная ночь помогла имъ въ этомъ. Добекъ бросился-было за ними въ погоню, но они такъ быстро бѣжали, что догнать ихъ не представлялось возможности.

Добекъ вернулся назадъ, утѣшая себя надеждой, что ничтож-

ной горсти нѣмцевъ все равно неизбѣжно придется погибнуть или отъ голода, или отъ руки кметовъ. Побѣда полянъ была полная, и около полуночи разыгрывалось уже послѣднее дѣйствіе кровавой драмы. Веселыя, неумолкаемыя пѣсни звонко раздавались въ мягкомъ воздухѣ ночи. Торжествующій Добекъ, расположившись подъ дубомъ, наблюдалъ за исполненіемъ отданныхъ имъ приказаній: раскинуть ставку, зажечь костры, а трупы убитыхъ, сложивъ въ одну кучу, предать огню.

Слуги немедленно принялись за работу: тѣла побѣдителей кидали въ огонь, тѣла побѣжденных — въ озеро. Послѣ этого начался осмотръ плѣнныхъ, которыхъ, несмотря на строгій приказъ не щадить враговъ, все-же набралось болѣе ста человекъ. Крѣпко связанные, рядами лежали они на землѣ. Когда среди нихъ проходили Добекъ, Волько-Каня и Людекъ, сынъ Виша, то послѣдній замѣтилъ въ сторонѣ, словно притаившагося, скрученного веревками, рыжаго человека, показавшагося ему знакомымъ. Сейчасъ-же велѣно было подтащить плѣнника ближе къ огню и какъ только лицо его освѣтилось, Людекъ воскликнулъ:

— Вотъ кто, должно быть, привелъ ихъ сюда! Онъ давно ужъ старался разузнать всѣ пути, ведущіе къ намъ! Я знаю его: это нѣмецъ, по имени Хенго. Онъ притворялся торговцемъ, ходилъ по селамъ, ѣлъ нашъ хлѣбъ, а теперь вотъ и навелъ на насъ своихъ братьевъ—нѣмцевъ...

Добекъ коротко приказалъ:

— Повѣсить его!

Людекъ, однако, вступился за рыжаго, говоря:

— Нѣтъ, лучше отдайте мнѣ нѣмца! Я его буду употреблять вмѣсто вола; онъ будетъ пахать мою землю,—силища у него необъятная... Пусть живетъ; онъ бывалъ моимъ гостемъ, такъ теперь мнѣ не стать смотрѣть, какъ его будутъ вѣшать...

Хенго припалъ къ ногамъ Людека, моля о пощадѣ. Онъ клялся, что князья силою принудили его сопровождать ихъ, что онъ не повиненъ въ измѣнѣ. Хотя ему не повѣрили, все-же желаніе Людека было уважено и плѣнника увели обратно.

Между тѣмъ, побѣдители ликовали. Костры трещали веселымъ пламенемъ, ночь превратилась въ день. Лѣсъ, подъ вліяніемъ фантастическихъ переливовъ свѣта, сочувственно, казалось, кивалъ

своими вершущими, а огромные столбы дыма торжественнымъ эпизодомъ высоко поднимались къ небу.

Въ котлахъ варили ужинъ; старшины, вспоминая эпизоды минувшей битвы, перевязывали свои раны, а дружина тѣмъ временемъ собирала и раскладывала добычу.

Въ одно мѣсто клали щиты, въ другое мечи, одежду, конья. Было чѣмъ поживиться, такъ-какъ хищники всегда носили съ собою много цѣнныхъ вещей. Давно не видали поляне столь роскошной добычи. Дружина была въ восторгѣ.

Теперь всѣ и думать забыли о преслѣдованіи немногихъ, успѣвшихъ бѣжать, кошубовъ и нѣмцевъ. Кметы утверждали хвастливо, что едва-ли князья посмѣютъ вторично напасть на полянскую землю, и что поморцы съ кошубами навѣрно не согласятся имъ помогать, а нѣмцы-то и подавно,—экую даль снова тащиться сюда!

Въ лагерѣ вдругъ оказалось всего въ избыткѣ: непріятель имѣлъ обычай таскать за собою похищенный скотъ, награбленные бочки меда и пива. Теперь было вдоволь и мяса и пьяныхъ напитковъ. Пиръ затянулся до поздняго утра.

Подъ конецъ наши воины такъ обезсилѣли отъ безчисленныхъ возліаній въ честь бога побѣды и такъ беззаботно отдались веселью, что догадайся нѣмцы съ кошубами воротиться, навѣрно-бы ушли побѣдителями.

Солнце было ужъ высоко, когда пировавшіе начали просыпаться. Голодъ заставилъ ихъ вспомнить про мясо и пиво, и прерванный праздникъ возобновился, продолжаясь до самой ночи. Ночью нельзя было трогаться съ мѣста, пришлось по-прежнему ожидать до слѣдующаго утра.

Вечеромъ того дня, Людекъ велѣлъ привести къ себѣ Хенго. Сжалившись надъ нимъ, онъ приказалъ его накормить, а затѣмъ вмѣстѣ съ Добекомъ началъ допрашивать. Оба кмета подозревали, что нѣмцу извѣстно значительно больше того, что онъ говоритъ. Несмотря однако ни на какія угрозы, онъ рассказалъ только, что дѣдъ сыновей Пепелка, жившій за Лабою и имѣвшій сильную рать, изъ мести за дочь свою, равно съ цѣлью помощи внукамъ, способенъ рѣшиться на все; что молодые князья оба настойчивы, храбры, а потому, если имъ не удастся вернуть свои земли, они всю свою жизнь будутъ беспокоить полянъ. Хенго намекнулъ и

на то, что съ молодыми князьями не трудно добиться и мира, когда-бы объ этомъ серьезно подумать.

По окончаніи допроса Хенго былъ уведень. Добекъ собралъ старшинъ и съ ними совѣтовался о томъ, что лучше теперь предпринять—идти-ли войной на поморцевъ, или-же разойтись по домамъ? Подъ вліяніемъ недавней побѣды старшины охотно пошли-бы на самый край свѣта! Они отвѣчали совѣтомъ немедленно двинуться на границу и по меньшей мѣрѣ пугнуть поморцевъ. Итакъ, рѣшено было чуть свѣтъ тронуться въ путь. Людекъ и Доманъ получили приказаніе забрать плѣнныхъ съ собою для раздачи ихъ кметамъ.

На слѣдующій день, раннимъ утромъ, предводительствуемая Добекомъ, дружина собиралась въ походъ. Ставка снята была съ мѣста, всадники садились на лошадей, пѣшіе сходились въ кучу. Челадъ Людека, которой приходилось вести плѣнныхъ поморцевъ, лишь съ помощью кнутовъ и палокъ, подняла ихъ на ноги. Ужасное представляли зрѣлище эти дикари, не хотѣвшіе подчиниться неумолимой, выпавшей на ихъ долю судьбѣ; они рвались, кричали, проклинали своихъ мучителей до тѣхъ поръ, пока, обезсилѣвши, не принуждены были покориться. Хенго, Людекъ самъ велъ на веревкѣ, опасаясь, что хитрый нѣмецъ съумѣетъ уйти.

Въ то время, когда Добекъ съ дружиной направлялся къ границѣ, Вишовъ сынъ съ плѣнными возвращался домой. Въ каждой хижинѣ онъ оставлялъ по нѣскольку поморцевъ, чему хозяева были рады, такъ-какъ приходилось вскорѣ приниматься за жатву.

Людека, сына Виша, повсюду встрѣчали съ восторгомъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ исходъ непріятельскаго вторженія былъ еще не извѣстенъ. Съ любопытствомъ сбѣгались люди взглянуть на мало-извѣстныхъ разбойниковъ, выругать ихъ и ударить. Оставляемыхъ моментально связывали, предупреждая тѣмъ покушеніе къ бѣгству.

Старшины однако начинали завидовать удачамъ Добека, опасаясь, что онъ, находясь во главѣ сильной и преданной ему дружины, захочетъ занять мѣсто свергнутаго Хвостека.

На всѣхъ легла какая-то тѣнь недовольства; все чаще слышались повторенныя слова Визуна: „Слѣдуетъ избрать покорнаго, бѣднаго, малаго“.

Мышки и Лешки, по-прежнему, начали ѣздить по дворамъ стараясь приобрѣсти друзей. И тѣ, и другіе частенько-таки оставались у хижины Пяста, требуя отъ него совѣта, да за-одно упрекая въ томъ, что онъ больше выказываетъ любви къ пчеламъ, чѣмъ къ общему дѣлу, отъ котораго до сихъ поръ постоянно сторонится.

Старикъ улыбался.

— Если-бъ я могъ хоть въ чемъ нибудь быть вамъ полезнымъ,—говаривалъ онъ,—я-бы охотно трудился на общую пользу. Но что-жъ я-то, бѣдный, сдѣлаю, если такіе вліятельные, богатые люди, какъ вы, ничего еще не могли достигнуть. По моему, въ данномъ случаѣ, вѣрнѣе всего ожидать помощи отъ боговъ. Легче вѣдь свергнуть злого, чѣмъ замѣнить его добрымъ.

Лешки сторонниковъ не имѣли; всѣ боялись, что при переходѣ власти въ ихъ руки, они способны мстить за прошедшее. Мышкова не менѣе избѣгали, опасаясь съ ихъ стороны преслѣдованія въ будущемъ тѣхъ лицъ, которыя въ настоящее время не желаютъ ихъ видѣть во главѣ народа. Побѣда позволила всѣмъ отдохнуть и собраться съ силами для новаго вѣча.

Богатые кметы заранѣе предчувствовали, что ихъ уже не будутъ, какъ прежде, прочить въ князья. Слова Визуна крѣпко засѣли въ умахъ; всѣ только и думали, какъ-бы избрать такого, который, будучи малымъ и покорнымъ, въ то-же время умѣлъ-бы быть благодарнымъ за оказанную ему честь. Дѣло все заключалось лишь въ томъ, гдѣ найти подобнаго человѣка.

О комъ ни подумаютъ—сейчасъ-же окажется, что у него больше враговъ, чѣмъ друзей.

XXIV.

Пользуясь временно наступившимъ затишьемъ и отдыхомъ, Доманъ началъ приготовляться къ свадьбѣ. Ему хотѣлось устроить ее на-славу, къ тому-жъ и старикъ, Милинъ отецъ, выдавая дочь за богатаго кмета, не прочь былъ похвастать, что въ состояніи угостить даже большое количество званныхъ гостей.

Доманъ началъ съ того, что, блистательно разодѣвшись, въ

сопровожденіи слугъ въ праздничныхъ нарядахъ, ѣдиль отъ одного двора къ другому, приглашая дружекъ.

По дорогѣ, когда онъ очутился передъ Вишевой хижинкой, сердце у него сжалось невольно,—вспомнилась Дива.

Людека не было дома; онъ со своими людьми поспѣшилъ за Добекомъ; младшій братъ одинъ остался хозяйничать.

Остановившись у воротъ, Доманъ протянулъ руку хозяину.

— Я женюсь,—проговорилъ Доманъ:—не откажите быть дружкой моимъ...

— Охотно,—отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Радуюсь, что вамъ наконецъ удалось забыть нашу сестру...

Доманъ пристально посмотрѣлъ на него и какъ-то невесело засмѣялся:

— Не думайте,—продолжалъ онъ:—чтобы я могъ гдѣ-нибудь найти такую, какъ ваша... Просто, увлекся наружностью... Невѣста моя молода и красива!.. Я беру въ жены дочь Мирша, что надъ Ледницею живетъ... Какое мнѣ дѣло: богата она, или бѣдна!.. Глаза у нея такіе смѣющіеся, авось развеселятъ и меня... Теперь я что-то мрачно смотрю на людей... Вотъ садитесь на лошадь... Поѣдьте вмѣстѣ, будьте братомъ моимъ... Пускай всѣ знаютъ, что я метить не намѣренъ, и что мы по-прежнему остались друзьями.

Они протянули другъ-другу руки, съ минутой еще побесѣдовали, и Доманъ уѣхалъ... Въ Вишевой хижинѣ новая вѣсть эта порядкомъ-таки удивила женщинъ. Живя, стоявшая тогда у огня, вспыхнула вся, опустивши глаза. Она, быть можетъ, втайнѣ мечтала, что Доманъ возьметъ ее. Съ тѣхъ поръ, какъ не стало матери и отца, дома все ей опостылѣло... Жены братьевъ мало оказывали ей уваженія, братья-же ни во что не вступались... Она съ радостью вышла-бы за Домана, но—увы!—онъ бралъ другую. Видно, судьба ужъ такая...

Миршъ совсѣмъ позабылъ о своихъ горшкахъ среди свадебной суетни. Дочь не давала ему ни минуты покоя,—столько всякихъ вещей и бездѣлокъ ей отъ него было нужно. Миршъ ничего не жалѣлъ.

Медъ давно ужъ былъ приготовленъ; теперь какъ-разъ заварили пиво, и хмѣль въ него сыпали щедрой рукою. Старая пѣсня,

вспоминала о немъ, говорила, что хмѣль — шалунъ: „изъ дѣвицъ дѣлалъ замужнихъ женщинъ“; потому-то на свадебныхъ пирахъ его столько и требуется.

Барановъ, козлятъ, кабановъ—всего запасено было въ изобиліи. Сухая просѣянная мука на-готовѣ.

Какъ-то однажды въ дверяхъ показалась Яруха. Миршъ былъ у своей печи надъ озеромъ. Старуха, должно быть, съ умысломъ выбрала именно то время, когда знала, что можетъ Милю застать одну. Она уставилась на красавицу и при этомъ такъ улыбнулась, что лицо ея стало похоже на грибъ, послѣ того, какъ его раздавили ногою.

— А что, Миля,—начала она:—теперь вѣдь не скажешь, что Яруха все вреть? Такъ-ли, аль нѣтъ? Иль мое зелье не дѣйствуетъ?.. Дай-ка мнѣ пива, а то въ горлѣ совсѣмъ пересохло..

Миля покраснѣла, какъ маковъ цвѣтъ, и побѣжала за пивомъ. Старуха, межъ тѣмъ, присѣла на корточкахъ у дверей, мѣшокъ свой на полу положила, вынула изъ него ломоть хлѣба и съ видимымъ удовольствіемъ приняла изъ рукъ проворной красавицы любимый напитокъ.

— Вотъ видишь,—шептала старуха:—дала я тебѣ жупана, теперь госпожой будешь... А еслибъ не я, да не зелье... Ого!.. иль никогда-бы тому не бывать, иль ужъ навѣрно не скоро... А ты то помни, что старыя бабы и молодыцамъ подчасъ нужны бываютъ... Ворожить, притянуть, оттолкнуть... Мы все это можемъ... Онъ будетъ тебя, конечно, любить,—ну, а если у него кромѣ тебя и другія найдутся, — всѣ онѣ будутъ твоими служанками. У богатыхъ людей — женщинъ не сосчитать, да тебѣ-то какое до этого дѣло?..

Миля, вспыхнувъ, закрыла лицо руками.

Теперь, когда она была у желанной цѣли, ею овладѣло какое-то безпокойство, чего-то она боялась. Такъ, вѣдь, легко досталось ей все! Невольный страхъ заползалъ въ грудь красавицы.

Яруха тѣмъ временемъ тянула пиво, да головою потряхивала, не дожидаясь отвѣта. Осушивъ кубокъ, старуха подала его Милѣ, которая, снова наполнивъ его, возвратила Ярухѣ. Вѣдьма залпомъ проглотила напитокъ.

— Въ честь Триглова, Миля,—проговорила старуха:—дай еще

третій кубокъ... Тогда я отправлюсь въ дорогу. Ноги вотъ у меня что-то слабнуть начали... Волей-неволей приходится пить сперва на одну ногу, потомъ на другую, да и на руку, которая держитъ палку, потому она все-равно, что третья нога...

Яруха, смѣясь, затянула веселую пѣсню.

— О! о! Что это они здѣсь натворили, что натворили на бѣломъ свѣтѣ!—вдругъ заговорила она печальнымъ голосомъ. — Князь и бѣлая княгиня... оба... пошли къ отцамъ безъ костра, безъ поминокъ! А мнѣ ихъ жаль... У столба теперь никого нѣтъ! Лишь трава тамъ растетъ, ничего-то больше!.. Княгиня знала, что дѣлать съ травою... Носила я ей всякія зелья... Она за это два, а не-то и три, дня приказывала ѣсть мнѣ давать, да холста кусокъ, да сукна... Правда, князь иногда натравливалъ на меня собакъ, потому онъ старухъ ненавидѣлъ, но меня ни одинъ песъ не укуситъ!.. Сейчасъ-же взбѣсился-бы... Теперь у столба—камни, пепелъ и уголь!.. Сороки прыгаютъ, вороны каркаютъ и кричатъ... Мѣстами кости бѣлѣютъ... Жаль княжескаго дома, жаль!

Она выпила третій кубокъ и снова повеселѣла; поднялась-было съ мѣста, но не могла устоять на ногахъ. Миля поддержала ее. Яруха простилась съ красавицей и поплелась по дорогѣ.

— О, зелье мое золотое! Любчикъ мой!—раздавался долго еще ея хриплый голосъ.—У тебя такое чудное свойство: князь, или рабъ, тебѣ все-равно, хватаешь за сердце каждаго... Ой, любчикъ мой, зелье мое, проси-же меня на свадьбу!

Никого не спрашивая и, конечно, не получивъ приглашенія, Яруха дала себѣ слово явиться на свадьбу.

Доманъ по обычаю прислалъ къ Миршу сватовъ. Какъ только назначенъ былъ свадебный день, сейчасъ-же сняли колесо съ большого шеста, стоявшаго передъ домомъ, въ знакъ того, что молодцу разрѣшалось увести отсюда красавицу, если отецъ дастъ на то свое родительское согласіе.

Миля выбрала себѣ шесть подругъ, которыхъ не постыдилась-бы даже княжна: всѣ онѣ были молоды, веселы и такія крали, что просто чудо!

У Домана тоже было шесть дружекъ: все сыновья именитыхъ кметовъ, красавцы и молодцы, какихъ рѣдко сыскать!..

Въ хижинѣ Мирша хозяйничало теперь несмѣтное количество

женщинъ, всё въ бѣлыхъ одеждахъ. Сестра Мирша замѣняла невѣстѣ мать.

Но, какъ это часто бываетъ передъ свадьбою — несмотря на общее оживленіе, окружающее веселье — Миля, которая только о томъ и мечтала, какъ-бы ей выйти замужъ за кмета, чего-то вдругъ загрустила и стала задумываться; также и Доманъ, хотя и по-прежнему находилъ, что суженая вполне красавица, но самъ на себя сердился за то, что сердце его тянуло куда-то въ другую сторону.

Ему сдѣлалось жалко и Мили, и самого себя.

Что дѣлать... Слова назадъ не возьмешь! Свадьбѣ должно состояться, о ней ужъ давно всёмъ объявлено!

Старикъ Миршъ, не противясь судьбѣ, тѣмъ не менѣе мрачно смотрѣлъ на всё хлопоты. Братья одни высказывали сомнѣніе:

— Мы-бы охотнѣе отдали ее за своего человѣка, за гончара, — говорили они...—Кто знаетъ, какая судьба ее ожидаетъ и сколько у него женщинъ?

Наканунѣ вѣнчальнаго дня все было ужъ приготовлено. Хижина заново выбѣлена, полъ вымытъ и выметенъ, посыпанъ зеленью; у дверей повѣсили много вѣнковъ, всё горшки поставили новые. Около невѣсты, согласно съ обычаемъ—печальной и хмурой, вертѣлись ея подруги и разодртая посаженная мать, подобно названной дочери—не веселая. Въ этотъ послѣдній день Милю нарядили въ самое тонкое полотно, облекли въ самое красивое платье, на рукахъ у нея блестѣли кольца, подаренныя ей отцомъ. Дѣвичьи косы, въ послѣдній разъ заплетенныя, украшали ея головку.

Въ хижинѣ раздавались съ самаго утра пѣсни, ни на минуту не умолкавшія, потому-что каждый часъ этого дня долженъ былъ быть почтенъ особою пѣсней.

Еще до прибытія жениха, стали готовить тѣсто, изъ котораго слѣдовало испечь свадебный каравай. Очагъ пылалъ яркимъ огнемъ.

Дѣвушки окружили большой горшокъ, заключавшій тѣсто, въ которое всыпали семь мѣрокъ муки, бѣлой какъ снѣгъ, столько-же чарокъ золотистаго меда и воды ключевой, а за каждой мѣркою муки или чаркою меда раздавалась новая пѣсня, объясняв-

шая ихъ значеніе. Подъ тактъ этихъ пѣсенъ красавицы мѣсили тѣсто, а затѣмъ принялись плясать вокругъ горшка, послѣ чего ужъ начали лѣпить каравай. Каравай этотъ почитался священнымъ, потому что его приносили въ жертву богамъ... На немъ обыкновенно изображали дѣвичью косу, птичекъ, зеленныя вѣтки, красныя ягоды, молодые побѣги,—все эмблемы дѣвичьей молодости, веселья, свободы, которымъ наступалъ конецъ въ этотъ день; начиналась жизнь трудовая, полная слезъ и печалей, и одной лишь любви предоставлялось ее скрашивать и разнообразить.

Когда каравай былъ готовъ, его торжественно поднесли къ очагу, чтобы онъ запекся; туда-же кидали и выдѣланныхъ изъ тѣста птичекъ—все это въ честь божества жизни—Живи.

По окончаніи описаннаго обряда, невѣсту посадили на ульѣ, покрытомъ платками, а подруги ея затанули печальную пѣсню прощанія; въ пѣснѣ описывалась вся жизнь красавицы, тоска по родномъ углѣ, по колодцѣ, за садикомъ, въ которомъ цвѣли цвѣты, за братьями, за отцемъ и матерью, за золотыми весенними днями.

Пока расплетали ей косы—Миля горько рыдала.

Домана еще не было; его ожидали съ минуты на минуту... Въ отсутствіи жениха братъ невѣстинъ занималъ его мѣсто по праву опекуна и защитника.

Уже вечерѣло, когда на дорогѣ послышался топотъ нѣсколькихъ лошадей... Милены подруги выбѣжали изъ избы и сейчас-же вернулись, ударяя въ ладоши:

— Мѣсяцъ ѣдетъ, мѣсяцъ молодой!

Въ этотъ день Доманъ былъ мѣсяцемъ; шесть молодыхъ всадниковъ окружали счастливца: всѣ были въ пухъ и прахъ разодѣты.

Несмотря на замѣтную блѣдность, женихъ казался красивѣе всѣхъ. Одежда его поражала богатствомъ. Сидѣлъ онъ верхомъ на бѣлой лошади съ длинною гривой. Конь былъ покрытъ краснымъ сукномъ, на лбу у него блестѣли яркія украшенія. Кушакъ Домана весь былъ унизанъ металлическими кольцами, на груди выдѣлялись узорныя запонки; острый мечъ, колпакъ съ перомъ и цѣпочкою дополняли убранство.

Завидѣвъ невѣстинъ домъ, всадники пустили лошадей своихъ

вскачь и, примчавшись къ порогу, такъ внезапно и шумно ихъ осадили, что казалось окрестность вся задрожала.

Сначала женщины не позволяли прибывшимъ входить въ избу, дѣлая видъ, что принимаютъ ихъ за враговъ и разбойниковъ, задумавшихъ похитить чужое добро. Они принуждены были просить, объясняться, а въ концѣ концовъ дать большой выкупъ. Тогда только имъ позволено было переступить порогъ. Доманъ привезъ съ собою чрезвычайно много подарковъ и, когда развязалъ красный платокъ—изъ него къ ногамъ невѣсты посыпались такія чудныя вещи, что глаза у женщинъ заискрились. Чего—чего только не было тутъ? Кольца, запонки, гребни, шпильки, много серебряныхъ денегъ, кушаки, разноцвѣтныя ленты. Всѣ эти вещи можно пріобрѣсти было развѣ только въ Винедрѣ, куда не всякій умѣлъ находить дорогу. Въ числѣ подарковъ особенно выдѣлялись: золотой кубокъ и какой-то сосудъ изъ прозрачнаго камня, которому всѣ не могли надивиться, такъ-какъ на первый взглядъ онъ казался сдѣланнымъ изъ льда, между тѣмъ—отъ солнца не таялъ.

Своими подарками женихъ пріобрѣлъ право на первое мѣсто вблизи невѣсты, которое братъ ея долженъ былъ ему уступить. Сейчасъ-же послѣ того, изъ сосѣдней избы вынесли праздничный каравай и зеленую свадебную вѣтвь, всю разукрашенную лентами, блестками, перьями. Къ вѣткѣ было привязано полотенце, вышитое красными нитками.

Хижина Мирша вскорѣ была ужъ биткомъ набита народомъ, въ числѣ котораго виднѣлись два старика: гусларь и товарищъ его съ кобзою, приглашенные повеселить молодежь. Миршъ угощалъ всѣхъ; братья невѣсты разливали пиво и медъ, заготовленные въ большомъ количествѣ. Въ избѣ скоро не осталось мѣстечка не занятымъ. Поэтому молодежь вышла плясать на дворъ, а на крыльцѣ устроились гусларь со своимъ спутникомъ.

Пѣсни слѣдовали за пѣснями, почти безъ перерыва.

Доманъ сидѣлъ рядомъ съ своею невѣстою, любуясь ея красотою, а она все какъ-будто чего-то боллала... Сердце у ней крѣпко, крѣпко билось въ груди. А вѣдь бѣ тѣ дни, когда она ишь о томъ мечтала, какъ-бы, обернувшись птичкой, улѣтѣть въ

широкую даль—о подобномъ чувствѣ она и понятія не имѣла! Откуда-же являлись теперь это предчувствіе, эта боязнь?..

Доманъ разсѣянно вертѣлъ въ рукахъ кушакъ, молчалъ, дѣлая видъ, что улыбается, но гдѣ его мысли блуждали—о томъ никому вѣдомо не было.

Дружки, между тѣмъ, пѣли приличные случаю пѣсни.

Такъ прошла ночь. Съ восходомъ солнца всѣ двинулись на городище, къ священнымъ дубамъ; старикъ-отецъ долженъ былъ тамъ благословить новобрачныхъ. Дружки сѣли на лошадей, невѣсту помѣстили въ телѣгѣ, убранной краснымъ сукномъ и разукрашенной цвѣтами. Вслѣдъ за ними слѣдовали подруги новобрачной, гости и толпа любопытныхъ.

Подъ тѣнью стараго дуба молодые по очереди обходили всѣхъ, у каждого прося благословенія. Потомъ, взявши другъ друга за руку, дѣлились они калачомъ, пили изъ одной кружки, а на головы имъ надѣли вѣнцы; семь разъ обошли они вокругъ стараго дуба, и отецъ трижды обсыпалъ ихъ зерномъ.

Обрядъ, въ теченіе котораго пѣсни не умолкали, окончился принесеніемъ жертвы богамъ, съ цѣлью отклонить злые чары, послѣ чего всѣ, въ прежнемъ порядкѣ, вернулись обратно въ Миршову хижину.

Тутъ сейчасъ-же невѣстѣ расплели косу, остригли ее, а на голову прикрѣпили чепецъ. Какъ только этотъ символъ замужней женщины замѣченъ былъ молодою—изъ глазъ ея полились горькія слезы... Подруги подъ стать затаили было грустную пѣсню, но гусларь крѣпче ударилъ по струнамъ, и бойкіе звуки разомъ измѣнили настроеніе гостей.

Началась пляска; всѣ должны были веселиться, чтобы день этотъ не былъ предвѣстникомъ дурной жизни для новобрачныхъ. Всю ночь на-пролетъ плясали гости въ Миршовой хатѣ и на дворѣ; нѣкоторые, уставъ, отправлялись вздремнуть на крыльцо, а, оправившись, снова продолжали пить и плясать. Молодые-же давно скрылись въ отдѣльное помѣщеніе, гдѣ имъ постлана была свадебная постель. Хмѣль все болѣе разбиралъ присутствующихъ—они и не думали расходиться.

Раннимъ утромъ, еще до восхода солнца, среди поля, вдали, показалась какая-то старая женщина. Она бѣжала изо всѣхъ силъ

по направленію къ хатѣ пирующихъ; иногда она останавливалась, оглядывалась назадъ, поднимала вверхъ палку и кричала что-то ужасающимъ голосомъ. Смыслъ того, что она кричала разобратъ было невозможно, частью за дальностью разстоянія, частью и потому, что въ избѣ такъ шумѣли, что и сами пирующіе едва понимали другъ друга.

Женщина все скорѣе бѣжала. Наконецъ, узнали ее: это была Яруха.

— Что съ ней?—воскликнулъ старикъ Миршъ:—бѣжить, словно рехнувшаяся...

— Она всегда такъ!—смѣялись другіе:—любитъ пиво, а хмѣль и распоряжается съ нею по своему... Она, чего добраго, и плясать пойдетъ...

Яруха, между тѣмъ, добѣжавъ до гостей, столпившихся въ кучу, измѣненнымъ отъ ужаса голосомъ крикнула:

— Спасайтесь! Бѣгите отсюда!.. Ёдетъ, бѣжить ужасный драконъ! Поморцы идутъ! Враги недалеко... За мною слѣдомъ...

Всѣ слышали эти слова, но никто не хотѣлъ имъ вѣрить.

— Стонетъ земля, туманъ идетъ, клубы дыма... Бѣгите, спасайтесь, кому жизнь дорога!.. Люди, спасайтесь!.. Поморцы идутъ!..

При этихъ словахъ Яруха подняла вверхъ обѣ руки и вскрикнувъ, безъ чувствъ повалилась на землю.

Старый Миршъ посмотрѣлъ въ синюю даль и, войдя въ избу, закричалъ:

— На коня, всѣ на коня, кто жизнью дорожить!—Яруха только-что прибѣжала съ извѣстіемъ, что поморцы идутъ на насъ! Быть можетъ, старуха съума сошла, быть можетъ стадо овецъ она приняла за поморцевъ. Пусть кто-нибудь съѣздитъ, посмотритъ. Пыль столбами несется вдаль—это вѣрно!

Плясавшіе остановились какъ вкопанные—извѣстіе всѣхъ поразило. Оно произвело такое-же дѣйствіе, какое производитъ коршунъ на птицъ, когда повиснетъ надъ ними. Болѣе горячія головы однако не хотѣли сразу повѣрить. Мужчины бросились къ дверямъ, дѣвицы и женщины въ сосѣднюю хату. Вмѣсто пѣсенъ слышались вопли и плачъ.

На шумъ прибѣжалъ Доманъ, держа за руку Милю, перепуганную и плачущую. Закрывшись руками, она причитала:

— Ой, судьба—горькая ты моя судьбина!

На дворѣ всѣ какъ шальные бѣгали и кричали:

— Нѣмцы!—Кошубы!—Враги!..

Мужчины кинулись на дугъ, къ лошадямъ. Этой ничтожной горсти о защитѣ и думать не приходилось; волей-неволей оставалось заботиться лишь о томъ, какъ-бы спастись хоть бѣгствомъ.

Молодой парень, которому первому удалось поймать лошадь, вскочивъ на нее, поскакалъ къ ближайшему холму... Отсюда онъ увидѣлъ невдалекѣ столбы пыли, услышалъ топотъ, бряцаніе оружія и сейчасъ-же вернулся, крича что есть мочи:

— Идутъ! Идутъ!

Всѣ рѣшительно растерялись. У нихъ не было достаточно времени для того даже, чтобы сообразить нельзя-ли гдѣ-нибудь спрятаться—на островъ развѣ, на Ледницу?.. Но и здѣсь помѣха! Ни одной лодки! Тѣ, которыя по обыкновенію должны-бъ находиться у берега, всѣ уже были разобраны и въ эту минуту усиленно плыли отъ берега!

Доманъ побѣжалъ за своимъ бѣлымъ конемъ, стоявшимъ въ сараѣ. Миля слѣдовала за мужемъ, ломая въ отчаяньи руки.

Не думая, какая судьба постигнетъ другихъ, Доманъ схватилъ жену и съ нею вскочилъ на коня; на мгновеніе остановившись предъ хижиною, онъ крикнулъ своимъ:

— За мною, друзья!—и поскакалъ въ сопровожденіи догонявшей его дружины.

У стараго Мирша была большая яма въ землѣ, входъ въ которую былъ извѣстенъ ему одному. Онъ не хотѣлъ, чтобы всѣ узнали объ этомъ, а потому, замѣтивъ, что Доманъ съ женой ускорилъ—старикъ сдѣлалъ рукою знакъ своему сыну, чтобы тотъ оставался. Вскорѣ оба отошли въ сторонѣ сарая и мгновенно исчезли. Не первый разъ приходилось старику прятаться отъ толпы дикихъ наѣздниковъ.

Но вотъ топотъ и крики слышались ближе. Несмѣтная толпа кошубовъ и поморцевъ стремились къ озеру съ ужасною быстротой, окруженная цѣлымъ облакомъ пыли. Иногда среди облака мелькали головы и блестящія копья.

Яруха все еще лежала на землѣ, точно мертвая. Хижина, гдѣ за нѣсколько времени передъ тѣмъ шумно пировали гости, стояла

теперь мрачная и пустая. Каравай лежалъ на столѣ, бочки пива и меда виднѣлись въ разныхъ мѣстахъ. На дворѣ, ни одной живой души—однѣ собаки, бѣгая по двору, безтолково лаяли.

Тѣ изъ гостей Мирша, которымъ посчастливилось захватить лошадей—сломя голову скакали вдоль озера; другіе дожидались врага, чтобы лишь съ его появленіемъ броситься въ воду, думая тѣмъ сохранить свои силы и уйти отъ смертельной опасности.

Всюду царило гробовое молчаніе.

Старшія женщины, собравшись вмѣстѣ, стояли надъ озеромъ. Вдали мелькали—уходящая дружина Домана и бѣлое платье Мили, раздуваемое вѣтромъ. Уходящихъ изобличалъ столбъ пыли: его легко было видѣть отъ Миршовой хижины.

Непріятель, примѣтивъ бѣгущихъ, съ дикимъ крикомъ пустился за ними въ погоню. Часть его окружила хижину, захватывая все, что въ ней оставалось. Собаки—единственные сторожа, лежали убитыми близъ воротъ.

Стоявшіе надъ водою побросались въ нее и попрытались въ камышахъ. Поморцы пускали въ нихъ стрѣлы, слышались крики,—наконецъ, все исчезло въ высокой травѣ.

Между тѣмъ, наѣзники не теряли время: они растаскивали хозяйское добро Мирша, подарки Мили, ея приданое. Такъ-какъ горшки съ собой унести неудобно было, то ихъ принялись колотить. Насколько взоръ только могъ окинуть—повсюду враги. Особенно выдѣлялись межъ ними два молодыхъ всадника, по всему видно—начальники дикой орды. По одеждѣ судя, ихъ можно было принять за нѣмцевъ, да и нѣмцы-же ихъ окружали. Они соскочили съ лошадей и пошли въ избу. Толпа покорно раздвигалась передъ ними.

Оба начальника, свѣтлорусые, черноглазые, походили одинъ на другого, словно родные братья. Неудивительно—они ими дѣйствительно были. Сыновья Пепелка снова собрали дружину и шли войной,—отомстить кметамъ за смерть отца и первую неудачу. За ними на толстой веревкѣ тащили сѣдовласаго старика, съ поломанными гусями въ рукахъ. Старика гдѣ-то на дорогѣ поймали, а нѣмцы терпѣть не могли этихъ слѣпыхъ пѣвцовъ за то, что пѣли они про старое, доброе время. Гусляръ молчалъ, опу-

стивъ на грудь голову, не жалуясь, не оглядываясь даже на тѣхъ, которые били его и смѣялись надъ беззащитнымъ.

На скамьѣ, на которой такъ недавно еще сидѣла невѣста, усѣлись молодые князья. Тѣмъ временемъ спутники ихъ доканчивали смотръ хижины, вынося все, что хотъ какую цѣну имѣло. Старшины принялись за пиво и медъ, за найденные мясо и хлѣбъ.

Старикъ-гусярь упалъ у порога, но его силой втащили въ избу. Мужчина высокаго роста, весь покрытый желѣзомъ, съ побѣлѣвшимъ отъ злости лицомъ и черной, густой бородою, подошелъ къ старику, сильно ударивъ его по спинѣ. Всѣмъ хотѣлось вывѣдать кое-что о богатомъ храмѣ, о спрятанныхъ въ немъ сокровищахъ. Старику угрожали, что если онъ будетъ молчать, то его тутъ-же повѣсятъ—и все-таки ничего не добились.

— Вѣшайте!—повторялъ старикъ.

Поморцы хотѣли узнать, сколько людей на островѣ, какъ удобнѣе пробраться къ храму.

— Птицею долетѣть, рыбою доплыть,—отвѣчалъ старикъ, не пугаясь угрозъ.

Его разспрашивали, гдѣ въ окрестности живутъ богатые кметы, гдѣ самыя лучшія стада; но старикъ только кряхтѣлъ и не отвѣчалъ, развѣ словомъ презрѣнія. Тогда его начали бить плетью. Старикъ смѣялся и пѣлъ въ то-же время, но такимъ страшнымъ голосомъ, что даже у жестокихъ поморцевъ холодъ пробѣжалъ по спинѣ.

— Ой судьба, горькая наша судьба!—пѣлъ старикъ.—Веселье и могила! Готовили свадьбу—наготовили похороны! Ой судьба! Бейте, бейте скорѣй, пусть душа тѣло покинетъ, скорѣй, наболѣлась она ужъ вдоволь! О Лада! Купала! Помогите ей выйти изъ тѣла!

Казалось, старикъ не чувствовалъ больше ударовъ; онъ приползъ къ ведру съ водою, и наклонивъ его ко рту, съ жадностью пилъ. Одинъ изъ мучителей поднялъ было мечъ, но рука его дрогнувши, опустилась.

Время отъ времени въ хижину приводили людей, пойманныхъ у берега, плачущихъ, связанныхъ. Старшины, окружавшіе молодыхъ князей, совѣщались, что имъ теперь надлежитъ предпринять. Прежде всего предлагали они отдохнуть. О Лединѣ нечего было

и думать, такъ-какъ переправиться на островъ не совсѣмъ-то легко, да притомъ-же имъ ничего не извѣстно о количествѣ воиновъ, защищающихъ храмъ.

На дворѣ раздались веселые крики:

— Ведутъ ихъ! Ведутъ!

Толпа поморцевъ, пустившаяся въ погоню за Доманомъ, вела его за собою. Доманъ былъ раненъ: онъ сидѣлъ верхомъ, со связанными руками, а передъ нимъ на лошади лежало тѣло молодой жены, въ которомъ торчалъ мечъ, изъ-подъ котораго кровь просачивалась по каплямъ. Лицо у нея было блѣдное—жизнь ее навсегда покинула. Доманъ зубами придерживалъ ее за рубаху, такъ-какъ руками владѣть не могъ. Весь въ крови, во многихъ мѣстахъ изрубленный, Доманъ сохранялъ видъ, какъ-будто не чувствовалъ боли.

Его сейчасъ-же стащили на землю, но онъ, разорвавъ связывавшія его веревки, пытался уйти, захвативъ трупъ своей молодой жены. Попробовали отнять у него тѣло Мили, но онъ такъ крѣпко въ него впѣился, что сдѣлать это не представлялось возможности. Доманъ, впрочемъ, сейчасъ-же упалъ вмѣстѣ съ трупомъ на землю.

По лицу и одеждѣ плѣнника дикари безъ труда догадались, что передъ ними богатый владыка. Къ нему вышли изъ хижины сыновья Хвостека, въ сопровожденіи нѣмцевъ и всѣ обступили раненаго.

Одинъ изъ князей наклонился надъ Доманомъ и, угрожая ему кулакомъ, крикнулъ:

— Собачье отродье! Когда разоряли нашъ замокъ, когда убивали нашихъ—ты, конечно, былъ тамъ, а можетъ быть и начальствовалъ надъ этою сволочью!

Отъ Домана требовали, чтобъ онъ объяснилъ, кто стоялъ тогда во главѣ кметовъ, кто возбуждалъ ихъ къ возстанію? Въ противномъ случаѣ ему угрожали смертью.

Доманъ, однако, упорно молчалъ и безпрестанно взглядывалъ на жену, трупъ которой покоился рядомъ съ нимъ. Домана били, толкали—онъ все оставлялъ безъ вниманія. Нѣмцамъ непремѣнно хотѣлось хоть что-либо узнать отъ него; они ни минуты не давали ему покою. Легко можетъ быть, что они боялись вторич-

наго на нихъ нападенія. Но несчастный, горемъ убитый мужъ, видимо не желалъ проронить ни единого слова.

— Мы ваши князья!—крикнулъ младшій Хвостековъ сынъ.

Только теперь поднялъ голову Доманъ и окинулъ дерзкаго презрительнымъ взглядомъ.

— Изъ вашего рода ни одинъ никогда надъ нами княжить не будетъ! — сказалъ онъ.—Этого вы никогда не дождетесь! Вы наши враги, вы разбойники, не вамъ владствовать, подлое, змѣиное племя!

Доманъ снова умолкъ послѣ этихъ словъ. Его велѣли увести прочь и отошли отъ него. Долго нѣмцы издѣвались надъ нимъ, били его, потѣшались — онъ все терпѣливо сносилъ. Наконецъ, его снова связали и потащили на берегъ, гдѣ лежали другіе.

Доманъ упалъ подъ Миршевою вербой. Руки у него были связаны, ноги свободны.

Вечеромъ трупъ убитой Мили лежалъ одинъ надъ водою. Доманъ тихонько приползъ къ водѣ; когда часовые уснули, онъ бросился въ озеро и исчезъ.

XXV.

На островѣ, у воды, толпился народъ и глядѣлъ на другой берегъ, въ молчаніи къ чему-то прислушиваясь.

Съ другого берега вѣтеръ приносилъ дымъ и крики, раздиравшіе душу. Это доказывало, что дома и селенія въ огнѣ, люди гибнутъ... Иногда на водѣ показывались трупы, подплывавшіе къ острову, какъ-бы моля предать ихъ землѣ...

Вечерѣло... Вдали разстилался туманъ, перемѣшанный съ гарью.

Храмъ былъ пустъ, весь народъ собрался у берега. Тутъ-же былъ и старый Визунъ, съ сѣдовласой Наной и Дивой, съ истомленнымъ, блѣднымъ лицомъ; у священнаго огня осталась одна только женщина. Всѣ молчали. У всѣхъ на умѣ былъ одинъ только вопросъ: нападутъ-ли поморцы? Бросить-ли все и бѣжать, или остаться, пожертвовавъ жизнью? Никто не рѣшался, однако, высказать вслухъ то, что внутренно его волновало. До сихъ поръ никто никогда не осмѣлился нападать не только на храмъ, даже